

Яков Шелль

Ясновидящая

продолжение великих дел Яны Лукиной

Яков Шелль

Ясновидящая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шелль Я.

Ясновидящая / Я. Шелль — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Вторая книга автора Якова Шелля «Ясновидящая» представляет собой продолжение великих дел со стороны главной героини Яны Лукиной, доктора химико - психологических наук, академика, рыжеволосой красавицы. Она принимает в своем бюро ясновидящей клиентов с различными историями и проблемами. Она их успешно решает. Так проходят дни. Но внезапно ей приходится столкнуться с самим Сатаной. Он, недовольный шумом и грохотом, который производит трудолюбивый русский народ прямо над потолком его адской резиденции, выходит из терпения и насылает полчища мертвецов и всякой нечисти, превращенных на время в людей, чтобы они внесли хаос и разрушения, остановили рост и развитие страны. Яна распознает это сатанинское нашествие и принимает меры, она создает удивительный напиток, который вызывает раскаяния в своих действиях. Ей помогает ее друг и покровитель Николай - Чудотворец. Он вызывается доставить напиток в самый Ад Сатане, чтобы принудить его к раскаянию и остановить нашествие нечисти...

© Шелль Я., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

В Аду	5
Жертвы	7
Слежка	10
Защита Нимцовича	12
Врач	13
Ночной налет	16
Группа захвата	17
Спасибо носу	19
На отдыхе	21
Журналист	25
Собачий след	28
Вторжение	29
Присоединение к альянсу	34
Первые сомнения	36
Похищение	37
Прозрачная вода	40
Разработка	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

В Аду

Сатана Иванович Чертов, генеральный директор русского филиала Ада, пра-пра-праплемянник великого Демона, главы всемирного Ада, едва не вздрогнул, когда над его головой, словно по потолку, снова раздались пронзительные звуки тяжелых машин, визг бензопил, рев моторов, гул самолетов, скрежет гусениц тракторов. Начался новый день на Земле. И все задвигалось, зашевелилось, затопало. Люди помчались на работу, в школу, в детский сад. Последние годы все эти звуки, – звуки российских гигантскихстроек, бурение земли, вбивание свай под пролеты мостов, гул прокатных металлургических станов – стали беспокоить, а потом раздражать главу филиала.

А как раньше было тихо! Застой! Ничего не двигалось, не делалось, не происходило! Полная тишина! Одно слово – Застой. Один раз, правда, много лет назад неугомонные геологи в поисках нефти или газа, пришли бурить землю. Однажды даже пробурили дырку в Ад. Но когда из Ада ударило отвратительным запахом сероводорода, – запахом тухлых яиц, – тогда только геологи успокоились, быстро разобрали свои установки и исчезли. С той поры и близко не подходили к этому гиблому месту.

Сатана любил русский застой! Еще с стародавних времен. На Руси всегда мало что происходила, жизнь текла медленно, годами, веками, ничего не менялось, красота! Но сейчас! Это было уж слишком! Сатана Иванович уже стал беспокоиться о здоровье, нервы стали тонкими, он часто срывался на подчиненных чертей, и они обижались и даже плакали от горя. Нет! Надо что-то делать с этим бумом строительства и обновления! Сатана Иванович, конечно, знал, что командовал всем этим «парадом» на Русской земле Василевс. Его-то какой черт принес? Разворошил он все вековые устои, строит новую жизнь, несет свет и достаток! Словно его не хватало раньше, словно люди жили до него плохо! От этого гула перестройки и грохота обновления можно сойти с ума! Не дай бог заболеть, свихнуться! Нет, пора принять меры. Может быть подумать о преемнике? Сам всегда управлялся, никому не доверял свою могучую империю зла! Но что-то мутит, что-то меркнут глаза, тошнит. Слабость в ногах...

Сатана Иванович медленно поднялся на трясущиеся ноги и поковылял на кухню, налил в самовар воду и воткнул вилку в розетку, затем медленно вернулся и снова лег на диван.

Постучавшись, вошел в ярко освещенную келью Сатаны его первый заместитель и подручный, министр здравоохранения, Оборотень Петрович, высокий, двухметровый рыжий черт с пронзительными хитрыми глазами. Он в одно мгновение оглядел шефа. Сатана Иванович выглядел стильно, любил шик; на нем была малиновая рубашка с длинными рукавами, синие джинсы и белые кроссовки работы знаменитого мюнхенского сапожника Адольфа (Ади) Дасслера, который впоследствии основал свою фирму «Адидас». Такой же шикарной и стильной была в комнате мебель: могучий диван метров пять длиной с бархатной обивкой, книжные шкафы на всю стену с книгами всех времен и народов, огромный телевизор на противоположной стене, на котором как раз сейчас шла трансляция хоккейного матча «Российск – Чешск». Чехи вели 1:3 и этот факт тоже раздражал великого Сатану. Он был истинным поклонником русского хоккея.

Оборотень Петрович сразу оценил плохое настроение шефа и сказал, сочувственно качая мохнатой головой:

– Докучают...

– Уже достали, изверги! – не сдержался Сатана и выругался. – Спасу нет от их строительства! От этих жутких машин! У меня голова просто раскалывается!

– Какое славное было время, когда Русь была в Киеве! – воскликнул Оборотень Петрович и шумно вздохнул.

– Это была сущая благодать, тишина и покой, изумительная греховность, разгул и веселье! – подхватил Сатана Иванович и махнул маленькой мохнатой лапой, – а сейчас, похоже, эти идиоты взялись за ум!

Сатана Иванович был маленьким, метра полтора ростом, и все в нем было маленькое: глаза, нос, лапки, голова. Но он был вождем.

Иерархия управления Адом зиждилась на свирепости: каждый, кто был добродушнее другого, стоял ниже его на лестнице управления. Таким образом, Сатана Иванович оказался на самом верху, будучи свирепее всех остальных. В самом низу по этой логике были черти очень добродушные, почти ангелы, сравнительно с вышестоящими. А самые добродушные вообще не участвовали в управлении, жили в Аду довольно беззаботно, исполняли функции чернорабочих – истопников, могильщиков, садоводов, домработниц у своих начальников, сапожников, пекарей, токарей, – и радовались каждому дню, танцевали по ночам после работы с ведьмами и плодили чертенят.

Но свирепость была не сама по себе неким качеством души, а суровой необходимостью, только с ее помощью можно было удержать в повиновении всю эту клиентуру Ада: сотни тысяч, миллионы, сотни миллионов душегубов, прохвостов, мошенников, злоумышленников, проходимцев, разгильдяев, пьяниц, наркоманов, бездельников, развратников, упырей, женоненавистников, холостяков, казнокрадов, вредителей...

Такова была вертикаль управления русским филиалом всемирного Ада.

– С этим безобразием надо кончать! – воскликнул в негодовании Оборотень, глядя сочувственно на жалкий вид шефа.

– Вот ты этим и займись, мой друг! – неожиданно, почти ласково, сказал Сатана и проницательно посмотрел на своего помощника.

– Непременно, Ваше превосходительство! Как прикажете!

– Да, я именно приказываю тебе! Найди подходы к Василевсу, его надо остановить, его надо призвать к порядку, окоротить ему руки!

– Так просто к Василевсу не попасть, там охрана на каждом шагу, мышь не проскочит! Но я, кажется, знаю, как к нему подобраться, с какой стороны, – задумчиво сказал Оборотень Петрович. – Есть одна девица, Яна Лукина, она в свою очередь знакома с Николаем...

– Угодником?

– Совершенно верно, Ваше превосходительство, с ним. Я превращусь в Николая и, таким образом, подъеду к этой дырищи Лукиной. Она меня и отведет к самому Василевсу, в его святая святых – мастерскую. А там уже дело техники, его охмурить и забить ему мозги. Надо только подослать к ней сыщика, чтобы узнал, где она живет, где бывает, чтобы с ней встретиться наедине. И туда я явлюсь в подлинном образе Николая – Чудотворца! – расхохотался рыжий черт.

– Вот и действуй! – повелел Сатана Иванович и махнул лапкой, отпуская своего помощника восвояси. – Только не забудь побрызгаться... одеколоном! От тебя просто несет... псиной!

– Я буду пахнуть лавандой, – засмеялся у порога Оборотень Петрович, – как сам Николай – Угодник!

Жертвы

Очнулась Яна на садовой скамейке, вокруг нее стояли люди. Одна пожилая женщина наклонилась к ней и тихо спросила:

– Как ты, детка, себя чувствуешь?

– Что со мной было? – прошептала Яна.

– Наверно, обморок, – сказала пожилая женщина. – Иногда это случается, от голода, или потрясения... Уже лучше?

– Да, спасибо, я уже в порядке! – ответила Яна. И в самом деле, ее голова прояснилась, и она поднялась. Люди расступились, и Яна направилась к машине, которая стояла на стоянке у парка.

«Всего лишь обморок, – думала она, садясь в машину. Но что помешало Полу Джерси выстрелить прицельно. В ее святая святых – в голову?»

Дома она почувствовала себя вполне сносно и, в ожидании новых великих свершений, занялась уборкой.

Все-таки два этажа, не считая чердак!

Это на целый день!

На следующий день она приступила к уборке. Это ее взбодрило.

Когда Яна решила, что достаточно окрепла после потрясения, она снова открыла свое бюро и стала вести прием клиентов.

На 10 утра была назначена новая встреча. Ожидая появление клиента, она сидела за столом, пила кофе и писала стихи:

Где жить?

В горах – лавина накроет,

у моря – цунами смоем,

на равнине – мыши достанут,

в лесу – медведи задерут,

в городе – люди изведут,

в деревне – тоска,

на лугу – трава,

на полюсе – замерзнешь,

на экваторе – сгоришь,

среди богатых – станешь бедным,

среди бедных – еще беднее,

среди негров – почернеешь,

среди русских – обрусеешь,

среди американцев – растолстеешь,

среди немцев – онемечишься,

среди папуасов – опапуасишься...

среди зверей – озвереешь...

В дверь позвонили. Это был мужчина лет 40, высокий, худощавый, с высокими затылками и густыми бровями. Он выглядел робко и как-то потеряно; руки все время двигались и хватали то галстук, то разглаживали рубашку, то поправляли редкие волосы на голове. Он представился. Павел Сергеевич Озеров.

– У меня проблема с дочерью, она стала плохо учиться, – начал от едва ли не с порога.

Яна показала ему на стул, спросила насчет напитка, который он бы пожелал. Клиент отрицательно помотал головой и опустился на стул.

– Сколько ей лет и как ее зовут? – спросила Яна.

– Неделю назад исполнилось 12 лет, зовут Ирина, – ответил Павел Сергеевич.

– День рождения отмечали?

– Нет, она наотрез отказалась, сказала, что уже большая, что ей ничего не надо, ни каких подарков.

– Значит, она не только стала плохо учиться, то и перестала с Вами общаться?

– Да, это так, к сожалению. Какая-то стала чужая. Уходит от вопросов, старается не попадаться на глаза, если я дома.

– Начнем с учебы. Когда Вы заметили, что она стала плохо учиться? И что значит «плохо»? А раньше училась хорошо?

– Наверно, это началось с полгода назад, обычно она приходила ко мне, спрашивала что-то, просила пояснить задание, или ей было непонятно что-то из книг, которые она читала, или из разговора с подругами, или просто делилась мыслями...

– То, что Вы перечислили, говорит о том, что одновременно с потерей интереса к учебе изменилось ее отношение к Вам.

– Именно так!

– Вы женаты?

– Да, жена замечательная женщина, у нас правда всякое бывает, но в общем и целом мы счастливы. Мы Ирочке много уделяем внимания.

– И как она относится к матери? Так же, как прежде?

– В том-то и дело, что к матери она совсем переменилась, даже стала ее избегать, словно обижена на нее за что-то. Я спрашиваю ее – она молчит, спрашиваю жену, она пожимает плечами.

– Значит, ее учеба вторична относительно ее отношения к вам, оно изменилось, она стала отчуждаться, повела другой образ жизни?

– Верно. Скорее так, она изменилась, стала какой-то чужой, всего сторонится, что прежде ее привлекало и даже радовало: совместные поездки, прогулки, наши друзья, праздники, общие разговоры за вечерним чаем...

– Что Вы хотите от меня, Павел Сергеевич? С чем Вы пришли ко мне?

– Не знаю толком, – немного смутился мужчина, – сам не понимаю, что происходит, не нахожу объяснений. Но, может быть, Вы разберетесь, иной раз взгляд со стороны видит больше, чем собственный.

– Ваша жена здорова? Замечали Вы за ней что-нибудь?

– Абсолютно ничего! Я думаю, она здорова! Ей ведь всего 34 года!

Они помолчали. Яна смотрела на ее клиента и прикидывала варианты. Он молчал и глядел на свои тяжелые руки, покрытые рыжей шерстью.

– Хотите знать правду, Павел Сергеевич? – наконец решилась она.

– Я ведь за этим пришел! – живо откликнулся он и даже подался вперед. Его глаза внимательно смотрели на Яну. Он искренне хотел знать правду, неопределенность в семье его мучила и терзала.

– Хорошо. Тогда слушайте внимательно. Это случилось однажды прошлой осенью. Ваша дочь случайно застала Вашу жену в обществе одного чужого мужчины.

Глаза Павла Сергеевича медленно расширились от изумления, он даже затаил дыхание, его лицо стало наливаясь краской. Но он молчал. Только задышал тяжелее.

– Но застала Ваша дочь свою маму не где-нибудь в кафе за чашечкой кофе и абрикосовым пирожным за деловым разговором, а у Вас дома, в Вашей общей постели...

Клиент обомлел и напрягся, как струна, его глаза смотрели на Яну и... ничего не видели, только эту сцену... дома, постель, его жена с другим мужчиной, свою дочь, смотрящую на них...

– Вы были в командировке, у Вашей жены было свободное время, но дочь... она пришла из школы не вовремя, заболела, ее тошнило, и вернулась домой раньше обычного. Что она пережила... это был шок, потрясение для девочки... мама с чужим мужчиной...

– Вот оно что! – прошептал Павел и закусил губу почти до крови, – теперь все понятно! Теперь все понятно! Боже, боже! Я представляю, что было с Иринкой! Я ее выгоню, гадючку, эту стерву!! Как она могла так поступить?!

– Не спешите, Павел Сергеевич, не все так просто. Вы, оказывается, не знали, что Ваша жена тяжело больна.

– Светлана больна? – переспросил Павел, все еще под впечатлением от этой ужасной, отвратительной сцены, которую увидела его дочь; он словно смотрел на все ее глазами. – Она больна? Чем же? Почему я ничего не знаю?

– Ваша жена все от Вас и дочери скрывала, чтобы не расстраивать. У нее рак поджелудочной железы. И она решила какими-то положительными, эмоциональными средствами бороться с болезнью, какими-то активными, даже запретными средствами с ней бороться, доказать себе, что она здорова, что она еще живет, что она еще многое хочет, она хочет жить, жить! И она завела себе любовника, чтобы не думать, не страдать, чтобы забыться, чтобы дать себе положительный импульс, силы...

– Я понимаю, – снова прошептал Павел, – почему она не сказала мне, почему держала все в себе... Как жутко все, как нелепо, милая Светланка, почему не доверилась мне...

– Вы пили, Павел Сергеевич, много, излишне много... Вы были сами с собой и Вам было хорошо! Вы многое не видели, и Ваша жена не хотела Вас огорчать, портить Вам идиллическую картинку жизни. Свои проблема она решала сама, плохо или хорошо. Чем Вы могли ей помочь? А ей нужны были силы, порывы, новые озарения, какая-то чуть ли не божественная рука помощи, что-то почти сверхъестественное, чтобы победить страшную болезнь...

Павел понурился, опустил голову, слезы текли по его гладко выбритому лицу; он признавал все, что случилось, вину за собой. Это было так.

– Верно, я благодушествовал и ничего не видел вокруг себя; я считал, что все замечательно, мне было хорошо! Но... но я в шоке! Как же так? Все вдруг смешалось...

Он стenal, мотался телом из стороны в сторону. Яна думала. И, наконец, сказала обычную вещь:

– Возьмите отпуск, срочно, купите три билета на море, в Сочинск, или в другое место, на месяц, окружите своих любимых заботой, не спрашивайте, а делайте! И – повелевайте! Вы отец! Вы муж!

Павел подскочил с места словно уже хотел бежать на вокзал, но остановился, нерешительно обернулся у двери и спросил:

– А... как болезнь у Светланки? Она... умрет?

– Да, – сказала Яна. – Болезнь неизлечима. И оперировать уже поздно.

Слежка

Едва открыв глаза, Яна встрепенулась. Какое солнышко за окном, какой чудесный день! Она откинула одеяло и поднялась. Теперь зарядка. Затем ванна. Потом кухня. Быстрые сборы и – бегом, на улицу, в новый звенящий день, в эту суету и бестолковость, в которой каждый, как муравей, знает свое место, свое задание и выполняет его с машинной неумолимостью.

Посвежевшая и похорошевшая после длительного глубокого сна, она вышла из дома и поехала в центр города, чтобы хорошо покушать и поразмышлять на досуге; что все-таки не так с великими событиями, неужели закончились?

Не доезжая до ресторана, Яна припарковалась, отошла и оглянулась; машина стояла криво относительно тротуара, она подумала: лучше бы не оглядывалась. Так бывает часто, оглянешься на свою жизнь, увидишь, сколько было в ней нелепостей, становится стыдно – лучше бы не оглядывалась; иной раз погрузишься в себя, заглянешь в свое нутро, становится тошно, и подумаешь: лучше бы не вглядывалась.

Она прошла мимо мужчины в серой кепке, который стоял к ней спиной и разглядывал плакат с красивыми девицами на стене дома.

Пройдя несколько шагов, Яна внезапно почувствовала неприятный холодок и прислушалась к себе! Холодок не проходил, он даже усиливался, она стала чувствовать неприятный холод и легкий озноб. Не простудилась ли она в подвале своей химической темницы, куда она иногда заглядывала по старой памяти, подумала она? Не заболела ли? Отчего ее вдруг стало трясти?

Яна снова оглянулась. Мужчина в серой кепке все еще стоял у плаката, но теперь он смотрел ей вслед. Увидев, что она обернулась, он тут же отвернулся.

Привычки – вредны, это известно всем, и тем не менее мы живем привычной жизнью и любим свои привычки. Привычки – словно наша кровь, а характер – скелет нашей натуры; река человеческой жизни течет в узких берегах характера и привычек. Ее привычки знали. Яна шла в свой любимый ресторан «У голубой лилии», и ее, похоже, здесь встречали уже даже на подступах к нему.

Яна глубоко задумалась. Если за ней следили, то почему? Кому она перешла дорогу? Что она натворила? Конечно, она много чего натворила, тут и спрашивать нечего. Но было ли это связано с великим проектом «Безмятежность», или было здесь что-то другое? Была тут чья-то личная неприязнь или назревали политические разборки? Яна терялась в догадках, приближаясь к ресторану, одновременно прислушиваясь к своим тончайшим ощущениям; они били тревогу. Странно! Ей было все очень странно и непонятно. Что произошло? Отчего за ней установили слежку? Мы, конечно, все под колпаком, вопрос только в том, под чьим, думала она. Контрразведка не дремлет! Яна сама любила наблюдать за другими, чтобы понять, для чего человек вышел из дома, что ему нужно, что ему недостает. Слежка – это способ что-то узнать, выйти через того, за кем следят, на его сообщников или другие точки и объекты. Объекты! Кому-то нужна ее лаборатория? Или она сама? Или ее адрес?

Как многого человеку не дано! Ему не дано предвидеть, предугадывать, знать заранее, предчувствовать, все знать; часто о важном он узнает в последнюю минуту, когда уже ничего нельзя поправить, изменить.

Яна повернулась и подошла к мужчине в серой кепке, который упорно изучал плакат.

– Извините! – сказала она приветливо. – Не подскажите, как пройти на площадь Пяти недолетевших инопланетян?

В Лукавой слободе есть такая площадь. Ее назвали в честь пяти инопланетян, которые обещали, но не прилетели. К обещаниям люди привыкли, это чисто российское явление, и россиян отличает. Как удобно – пообещал и забыл! И инопланетяне, похоже, были русские...

Мужчина обернулся и бросил на нее долгий недоуменный взгляд. Яна стояла перед ним и будто заглядывала сейчас в окно, за которым вдруг увидела вереницу быстрых картин, которые, сменяясь, как в кино, передали ей события последнего времени.

Теперь она успокоилась. Она знала причины слезки и события, которые предстояли.

– Это же на другом конце города! – наконец вымолвил сыщик и даже махнул рукой себе за спину. – Это Вам туда!

Яна уловила легкий полтавский диалект.

– Благодарю! – ответила она машинально и пошла назад, туда, где стояла ее машина. Яна передумала идти в ресторан, хотя во рту все пересохло, села в машину и поехала домой. Вскоре она обнаружила за собой внедорожник. Понятно, им нужен ее адрес! Хотят, видно, навестить ее! Милости просим!

Теперь Яна успокоилась окончательно.

Вечером Яне позвонил Денис Патрушев, студент колледжа, и рассказал, что он ездил в Владимирскую область, в деревню деда. Полицейские деда нашли, он был закопан в подвале своего дома, его убили, проломили череп чем-то тяжелым. Оказывается, его убила соседка, и, самое удивительное, хладнокровно снимала каждый месяц его пенсию и жила на нее. Видно, подсмотрела у него как-то пин-код, и пользовалась его карточкой в банкомате.

Яна содрогнулась.

Защита Нимцовича

Было суббота.

Как всегда, и, наверно, с времен первого чемпиона мира по шахматам Вильгельма Стейница, в парках, вечером, на всех садовых скамейках сидят пожилые и молодые, старики и юнцы, и играют в шахматы с часами на вылет; кто проиграл, тот встает и уступает место любому другому желающему сразиться с победителем.

В этот теплый прекрасный вечер Яна сидела в парке и играла сама с собой в шахматы. Сначала она делала ход за белых, потом глубоко задумывалась и делала ход за черных. Сегодня она разыграла защиту Нимцовича. Тем и занималась, и даже не сразу заметила, как к ней подсел древний старикашка с посохом и старинном облачении, его изможденное лицо было лицом святого. Яна только, что сделала ход за белых, но не успела даже задуматься над ответным ходом, как старикан протянул изможденную сухую руку и сделал ход за черных.

Яна оторопела.

Ход был неожиданным. Она быстро просчитала варианты. Ничего пока угрожающего этот ход ей не сулил, и она поставила слона на f5. Старик, немедля, выбросил коня на d6. Похоже, он считал варианты молниеносно, на обсчёт которых ей требовались минуты. Оценив по достоинству этот выпад коня, она похолодела. Тучи сгустились над головой ее короля. Яна пошла Феб и посмотрела на старика. Он, глядя на нее лукаво, двинул вперед пешку на a2.

Яна ответила Крс6.

Он – Ld2!

Яна – Lg8.

Он – Фе1!

Яна посчитала новые варианты и вздрогнула, ей грозил мат в 3 хода.

– Добрый вечер, Николай Варфоломеевич! – сказала Яна задумчиво, – у Вас все еще острый аналитический ум! Мне бы такой!

– Вечер добрый, дитя мое! – отозвался Николай и глаза его засмеялись.

От старика Николая пахло лавандой.

– Все-таки Вы здорово играете в шахматы! – воскликнула она.

– Я уже говорил, я все умею, – просто ответил Николай. – Но я тут в том числе по делу.

– Ко мне? – удивилась она.

– Именно к тебе, чадо мое!

Яна вся обратилась в слух! Оказывается, и у святых есть нужда в ней!

– Тут на днях случилось одно... деликатное происшествие, – продолжил Николай, глядя пристально ей в глаза. – Господь просил меня передать Василевсу важное сообщение. Лично!

– То есть Вам нужно пройти со мной в резиденцию, верно? – уточнила она.

– Именно так, дитя мое! – подтвердил Николай – Угодник и ласково оглядел ее.

– У меня же нет с ним связи, – немного растерялась Яна, – его телефон не высвечивается, а пройти без пропуска я не могу. Это надо ждать, когда он сам мне позвонит и пригласит к себе!

– Так и решим, когда он позвонит и пригласит, сообщи мне, дочь моя!

Он протянул ей бумажку с номером своего телефона, медленно поднялся и, немного сутулясь, отошел от скамьи и исчез из виду, оставив после себя легкий шлейф запаха лаванды.

Врач

Ночь прошла беспокойно, ей снилось что-то тревожное, просыпалась, долго лежала, считала до ста, до тысячи, снова засыпала и вскоре снова просыпалась. В этих тревожных просыпаниях и новых засыпаниях прошла ночь. Встала рано, чувствовала, что уже не заснет, надо было заниматься делами, но для дел не хватало утренней бодрости и свежести. Стала, что называется, маяться, ходить по комнате, думать. Потом сядила к столу, и пила чай. Наконец, пришла пора собираться в бюро, где была назначена встреча с новым клиентом.

Сегодня на прием у нее был записан некто Виктор, Сергей Львович. И он позвонил в дверь ровно в 10:30, как и было ему назначено. Пунктуальность говорила о том, что он врач. Вошел крупный мужчина, совершенно лысый, с крупным носом, но живыми, умными, маленькими глазами под мохнатыми бровями.

Яна предложила ему сесть и спросила, что он хотел бы выпить: чай, кофе, сок.

– Кофе, если можно, крепкий, с молоком.

Крепкий кофе с молоком, но без сахара пьют люди с уравновешенной психикой, для которых главное – душевное спокойствие, и его они оберегают пуще ока. Они уходят от всего опасного, неясного, неопределенного. Они любят уверенность, здравый смысл и тишину. Они никогда не станут заниматься бизнесом – этой стихией неопределенности, риска и болезней. Они становятся врачами, набивают себя знаниями и никогда не рискуют ставить диагноз, неподтвержденный обследованиями и анализами.

Люди, пьющие кофе без молока, но с сахаром, это другие люди. А без сахара – тем более.

– Все началось с того, что у меня умер пациент, – начал он и снова покачал головой, словно, не веря все еще в произошедшее, – я до сих пор не могу успокоиться; этот случай стоит у меня перед глазами; не пойму, что произошло, почему он умер, я все сделал правильно, это могут подтвердить и сестры, бывшие на операции, и коллеги, которым я показывал рентгеновские снимки и план операции. Было все безупречно, по плану, была удачная операция, тем более она была не из самых сложных, я таких операций провел более десятка за мою врачебную жизнь. Но тем более мне было странно, отчего мог пациент умереть? Я убежден, не от моего вмешательства в его организм, но других причин я не вижу и до сих пор переживаю, не нахожу покой...

– Когда он умер, если не на столе?

– Пока его везли в палату, привезли мертвым.

– То есть по дороге от операционной к палате?

– Верно.

– Кто его вез?

– Всегда это делают операционные сестры, всегда одни и те же.

– А что говорит патологоанатом?

– Он нашел только сильно поврежденные почки, печень и поджелудочную железу, – ответил врач.

– Причиной повреждения этих важнейших органов явилось отравление, верно? – спросила Яна.

– Нет. Отравление ядом токсикологическая экспертиза не подтвердила. Если только был яд быстрого разрушения.

– Правильно. Яд быстрого разрушения. Это и есть причина смерти Вашего пациента! – сказала Яна, наблюдая за руками клиента. Они были могучими, поросшими черной шерстью, но спокойные, уверенные; они как бы каждым движением мускулов подтверждали слова врача.

– Я тоже стал так думать? – согласился врач.

– Яд подсыпался живому человеку небольшими дозами, симптомы отравления были не выражены, и потому отравление было скрытным, оно уничтожало печень и почки в течение длительного времени, и наконец они не выдержали. Острая почечная недостаточность! – добавила Яна из того, что видела.

– Скорее всего так оно и было, – сказал врач.

– Но это же случай для полиции, а не для меня! – сказала Яна, глядя на клиента.

– После того, как стала ясна причина смерти пациента, мы сразу же заявили в полицию.

– И что?

– С той поры прошел год...

– Ах, вон оно что! – снова сказала Яна. – И как фамилия пациента?

– Викторов, Георгий Петрович.

– Ваш дядя?

– Да, мой дядя по отцу.

Яна задумалась, напрягая волю и воображение. Она вычисляла события.

– Вы, как я понимаю, хотите знать, кто убийца Вашего дяди?

– Конечно, я за этим пришел. Полиция зашла в тупик, я звоню им, прихожу к ним в отделение, спрашиваю, – у них нет результата.

– Тогда я скажу Вам. Это сделала Ваша дочь.

– Ленка??

– Нет, не Лена, другая, дочь Вашей жены от первого брака.

– Женечка?! Но зачем? Почему? Она его ненавидела? Не любила? Но я не замечал ненависти.

– Ее и не было. Только расчет. Ведь Ваш дядя был очень богат, верно?

– Да, и он это не скрывал, да и скрыть было нельзя, он получал большие гонорары, у него был прекрасный дом, обставленный современной мебелью, две машины, чудесный сад у дома. Но, я не понимаю, что имела Женечка от смерти дяди? Ведь ни копейки. Мы знали завещание дяди.

– Он все завещал Вам, не так ли?

– Да, после его смерти я наследовал все его имущество и сбережения. Сам он жил убежденным холостяком и детей у него не было.

– Следующим, по ее плану, были на очереди Вы, Сергей Львович, – сказала Яна, заглядывая в будущее.

– Я? – поразился врач, и откинулся на спинку стула. – А что она имела бы от моей смерти??

– Он Вашей лично – еще ничего. Но Вашей наследницей была бы Ваша любимая жена, то есть ее мама.

– У меня в самом деле есть завещание, моя жена наследует только треть того, что есть у меня. Поровну, кстати, между ею, нашей общей дочерью Леной и, конечно же, Женей.

– Жене ее доля показалась очень маленькой, ничтожной для той жизни, которую она себе представляла и ясно видела во всех деталях! – сказала Яна.

– Потрясающе! – только и выдохнул врач. – Женька! Не могу поверить, что у нее такой чудовищный план. Получается, если ей все это удастся, она от жены получит все наше, так сказать, богатство.

– Оно немалое! – кивнула Яна. – Ради этого стоит поразмыслить, как до него добраться!

– Невероятно! – снова повторил врач, – не могу поверить! Женька! Мы все ее любили. Я относился к ней так же ровно, как и к своей дочери.

– Она себе на уме. И очень хладнокровна. То, что она говорит, вовсе не означает, что так она и думает.

– Но я... я ведь еще жив. Почему она не травит меня?

– Две близкие и похожие смерти были бы слишком подозрительны. Она выжидает, пока все утихнет. Но Вы на очереди, без сомнения. Если бы Вы пришли через полгода, вероятно, было бы уже поздно. Для Ваших печени и почек.

Врач надолго задумался, качая крупной лысой головой...

– Но как она это делает?

– Вы никогда не замечали, что она увлекается грибами?

Сергей Львович изумленно уставился на Яну и вдруг глаза его округлились.

– Действительно! Я особо не лезу в дела других, особенно девочек, у них своя жизнь, полная тайн, но однажды, когда она была в ванной, а я зашел в ее комнату позвать ее к обеду, я увидел на открытом компьютере у Жени множество грибов, и помню, очень удивился, откуда у Жени при ее математическом уме интерес к ботанике. Но это было давно, этого интереса я больше не замечал, и даже бы не вспомнил, если бы Вы не спросили.

– Грибные яды быстро разлагаются и выводятся из организма, оставляя после себя только разрушения.

– Да, это известно. Что же делать? – прошептал врач, опуская могучую голову. Он был растерян и подавлен. – Я старался жить чисто и честно, сторонился нечистоплотных, агрессивных, плохих людей, но у себя под боком не заметил, как росла рядом изуверка, душегубка... Я никого никогда не обижал, дети росли и получали, что хотели, конечно в разумных пределах. Жена иногда рассказывала, ее первый муж был очень жестоким, каким-то бессердечным, и вот, девочка, видать, унаследовала своего отца... и вот надо же... выясняется, что в человеке таится, скрыто, ждет своего часа...

– Доказать, что это делала она, я думаю, не удастся, – задумалась Яна.

– Я дам ей денег! Кучу денег! И отселию от себя! Пусть живет как хочет! – вдруг вскричал Сергей Львович и поднял голову. Его черные глаза были влажными и горели. – Я ее отселию! Я не смогу с ней жить в одном доме! Какой ужас! Пусть как хочет...

Яне нечего было добавить.

Ночной налет

В какой –то исторический момент слава Яны Лукиной вышла за пределы Российска и достигла ушей президента Американска Гарри Тора, когда он выслушал доклад главы ЦРУ Пола Джерси о сути Желтой воды, которая, хотя и омолаживает, но отупляет. Президент видел причины катастрофического падения престижа нации в другом, и потому сначала не поверил своим ушам, затем проверил информацию, все связал воедино и сам увидел катастрофические последствия Желтой воды для Американска в целом. Прошли те великие времена, когда Американск был флагманом, в фарватере которого плыли корабли других народов, и вел их уверенно и неумолимо в светлое, демократическое, справедливое будущее.

После этого Гарри задумался. Затем он решил, со свойственной американцам решительностью и неумолимостью: эту Яну Лукину, это осиное гнездо, надо разворошить во избежание будущих американских бед.

И он, будучи главнокомандующим, отдал приказ главе ЦРУ, а тот передал приказ дальше, в НАТО, направить специальную группу диверсантов в Москвоград, взять леди Лукину живой и доставить в одну из тайных тюрем Американска в некоей восточно – европейской стране.

Операция по захвату мадмуазель Лукиной началась. Было раннее утро. В низинах и долинах Второй Речи Посполитой лежал легкий туман. По реке Сейм, рядом с диверсантами, плыли утки. Несколько диверсионных групп из Эстонска, Украинска и Польска вооруженных до зубов высоких, сильных, мускулистых парней форсировали на надувных лодках реку, лодки бросили на берегу и тайными тропами перешли границу. Там, на российской стороне, их ждал вертолет Ми – 6, через 3 часа они высадились в лесу под Москвоградом и плотно покушали. Кушать они любили. Затем улеглись спать, замаскировавшись под кочки и пни.

В наступивших сумерках волкодавы начали движение в сторону города с намерением проникнуть в Лукавый район, найти дом Лукиной и его полностью окружить. Парни были мощно экипированы; на голове балаклава, в руках пистолет или короткий автомат, на поясе кожаный широкий ремень с сотней карманов для всего необходимого диверсанту; в карманах были; портативная рация, наручники, кусок краковской колбасы, бутылка шотландского виски, русская горчица, грузинский хрен, вареная картошка, укроп, нож, вилка, растворимый кофе, немецкое печенье.

Натовские солдаты ни в чем не знали нужды, вся Европа их содержала и ревниво следила, чтобы солдаты были в первую очередь сыты. Поэтому, выходя на задание, каждый солдат тащил за плечами рюкзак с провизией.

Первыми проникла в город диверсионная группа из Украинска и вошла в Вампирский квартал. Было тихо. Ничто не нарушало закон тишины; после 20 часов и до 6 утра нельзя было ни сверлить, ни стучать, ни кричать, ни стрелять. Диверсанты читли закон, все-таки они были европейцами.

Вторыми вошли диверсанты – волкодавы из Эстонска с западной стороны. С севера, рассекая туман могучими плечами, через Злодейский квартал, вошла группа польских морских пехотинцев, имевших боевой опыт в пустыне Сахара.

Кольцо вокруг дома Яны Лукиной, доктора химико – психологических наук, академика, неумолимого борца за народное счастье, любительницы фруктовых пирожных и жирных ома-ров, неумолимо сжималось...

Группа захвата

Яна проснулась от какого-то тревожного чувства, поднялась на чердак, высунулась в ночной длинной рубашке в узкое чердачное окно едва ли не по пояс и тут же обнаружила в утренних сумерках мощную диверсионную группу, сначала украинскую с юга, затем эстонскую с запада. Польско-литовская шла с севера. Красивые ребята! Яна ими откровенно залюбовалась! Как они крались, как незаметно прятались в сумерках, как легко терялись в легком тумане, как они упорно сжимали кольцо вокруг ее дома, как они шепотом на харьковском диалекте разговаривали по-английски!

Интересно, в каком виде она им нужна, в виде трофея, трупа, свидетеля, экспоната, или виновницы всех американских бед, думала она? Известно, американцы никому не прощают своих промахов...

Яна широко зевнула и поежилась, все-таки не дали, черти, поспать спокойно, а ночь, как известно, нужна для сна. Дня достаточно для всяких других дел. Ладно, досплю в следующий раз, все-таки интересно, что будет дальше. Не каждую ночь тебя окружают и пытаются захватить, как какую-то дичь, и доставить в чужую страну в качестве трофея, решила она. Хотя спать хотелось ужасно, но женское любопытство все-таки победило, интересно ведь, как они будут ее захватывать, они же парни честолюбивые, каждый хочет оказаться возле нее первым, чтобы прослыть национальным американским героем, чтобы быть потом на виду, отхватить много-много денег, открыть свой бизнес, завести стадо моделей и суперзвезд, купить яхту или остров...

Но если спросить ее, кому бы она хотела достаться, то, конечно, самому высокому, широкоплечему, красивому, владеющему английским без диалекта, в крайнем случае, с краковским.

Наблюдая сверху за этими супер – солдатами внизу, она иногда откровенно хохотала. Больше всего ее позабавило то, что эти волкодавы, эти парашютисты передвигались короткими перебежками. Видно, очень быстро запыхивались. Отдохнут, и снова бросок вперед на полметра. Конечно, тяжело им, таким упитанным, с розовыми щечками, долговязым. Да еще мешок еды за плечами. Для диверсанта главное упитанность и грозная экипировка!

Первый отряд уже проник в ее сад.

Яна задумалась и похолодела от мысли. А если эти головорезы задумали у нее в саду рыть окопы и держать ее в кольце осады целый месяц, пока она не вывесит белую простыню с чердака, что тогда? Это была бы катастрофа! Во-первых, у нее нет белой простыни, все цветные, красивые, льняные; во-вторых, месяц она точно не продержится. Яна мысленно открыла дверь холодильника и заглянула туда, там лежал только кусочек белорусского сала. Это означало, что она сдастся через полчаса. Но она постарается выдержать осаду как можно дольше, пусть даже ценой своего веса. А фураж ей на чердак могли бы доставлять транспортные, родные вертолеты МИ – 26. Пусть диверсанты роют! Окопы потом можно будет залить водой, перекинуть легкий мостик на цепях и получится неприступный замок, в котором на чердаке живет принцесса, то есть она.

Эта мысль ее успокоила, и она продолжила наблюдение. Для летописи.

Ой, она, кажется, забыла закрыть дверь из сада в лабораторию на крючок изнутри! Бежать сейчас сломя голову вниз через все этажи уже поздно, первый отряд как раз только распахнул двери из сада в лабораторию и скрылся за ней. За ним последовал второй отряд отборных диверсантов – волкодавов.

Яна подождала еще несколько секунд, пока третий отряд не проникнет в лабораторию, и не спеша отправилась вниз. На кухне она достала из шкафа противогаз, одела его, отодвинула шкаф и открыла дверь в ее темницу, то есть святая святых, то есть свою лабораторию. И

что она увидела сквозь стекла противогаза? Все непобедимые крепкие парни, гроза террористов, слава тайных операция, эти волкодавы... лежали смирно на полу ее любимой лаборатории, заполненной газом... да... это... был, кажется, «веселящий газ», закись азота, всего лишь средство для наркоза с приятным сладковатым запахом!

Да что было сомневаться в том, как называется газ, если она сама его напустила. Для усыпления волкодавов. Пусть отдохнут после такого мощного марш – броска!

В это же самое время над крышей ее дома завис вертолет, из него спустился новый отряд диверсантов, на этот раз своих. Могучие, крепкие парни в противогазах вошли в лабораторию, на каждого лежащего одели наручники и стали вытаскивать одному из ее темницы, то есть святая святых, на свежий воздух и оттуда погрузили в подъехавшие три затемненные машины.

Специальная операция по захвату вражеской диверсионной группы завершилась успешно и без пролития крови, а, главное, без единого выстрела, иначе это было бы грубым нарушением закона тишины с 20 часов до 6 утра.

До 6 утра оставалось ровно пять минут.

Супер – волкодавы из группы «Альфа», хотя и вечно голодные, но во времени уложились.

Яна, все еще взволнованная необычными событиями ночи, пошла спать.

– Спасибо, милая Ульяна, моя всемогущая покровительница и защитница, мой ангел – хранитель, за своевременное предупреждение! – прошептала она, засыпая.

Спасибо носу

Вечером того же дня позвонил Василевс, государь, супергений, отец всех управляемых и неуправляемых россиян, и поинтересовался, не упал ли хоть один рыжий волос с моей умной головы. Яна счастливо ответила, улыбаясь и радуясь его звонку, что все ее волосы целы и, пользуясь моментом, рассказала о встрече с святым Николаем – Угодником. Смог бы Василевс его принять по какому-то срочному делу.

– О, конечно! – сказал Василевс, – буду рад с ним увидеться и поговорить! Не каждый день святые обращаются! Жду вас завтра в 12 в моей резиденции. Пропуск вам подготовят.

На этой приятной новости они расстались, она тут же позвонила по номеру телефона, который ей оставил великий святой и, взволнованная, отправилась на кухню пить чай.

На другой день, уже ближе к завтраку она, как всегда, засуетилась: что одеть? Для женщины нет более трудного решения, чем-то, что одеть, что нацепить, что с собой прихватить на тот, или иной, или десятый случай. Ей легче, без раздумий, прыгнуть в огонь, или остановить лошадь, чем решить во что одеться на выход...

В 11:05 Яна подъехала к дому номер 8 по улице «Все вперед!», у дома стоял великий святой и приветливо помахал ей рукой. Яна остановилась, вышла, обошла машину, открыла дверь и святой устроился рядом с ней на боковое сиденье.

– Пристегнитесь, Николай Варфоломеевич, – попросила Яна, прежде чем тронуться. Старик долго возился с ремнем, но, наконец, пристегнулся, и они покатали. Яна выехала на проспект Благоразумия, влилась в поток машин и поплелась за каким-то грузовичком.

Николай – Угодник сидел, откинув голову на сиденье, и молчал. Его глаза были закрыты. От него исходил легкий приятный запах лаванды. Его молчание Яне понравилось, она не любила отвлекаться на дороге, когда была за рулем; все умеют ездить, но сколько аварий только из-за того, что водитель на секунду-другую отвлекся. И все! Авария! Так и гибнут сами, или увечат других, и все потому, что отвлекся на разговор, или слушает радио. Яна никогда не включала даже радио.

– Нельзя ли прибавить газу! – вдруг сказал великий святой.

Яна поразилась. Он все видел, все чувствовал. Он, кажется, не против быстрой езды! Она бросила на него пытливый взгляд! Он по-прежнему сидел с закрытыми глазами. От него исходил запах лаванды, но какой-то еще запах прибавился к нему. Какой-то посторонний, слабый, но... чужой, не гармоничный с лавандой.

Яна осмотрелась по зеркалам, обошла грузовичок слева и снова вернулась на первую полосу движения.

В закрытом маленьком пространстве машины прибавилось постороннего запаха, его уже нельзя было не ощущать ее чуткими ноздрями. Святой потел. Яна все больше изумлялась, невольно анализируя носом составные части нового запаха...

Перед мощными, стальными, или даже бронированными воротами резиденции государя, у ее бокового въезда Яна остановила машину у шлагбаума, открыла дверь и вышла из нее.

– Я за пропуском! – сказала она своему пассажиру и направилась к постовому, молодому, почти мальчишке, лейтенанту, стоявшему у будки.

– У меня в машине сидит Черт!!! – закричала она почти ему в лицо, подбегая к мальчишке, – арестуйте его!!

Лейтенант, несмотря на молодость, мгновенно сориентировался, не стал делать глупое лицо и переспрашивать, а тем более острить по поводу мнимого Черта, поднял руку и нажал на кнопки своего какого-то черного приборчика, висевшего у него на груди. Тотчас из будки выскочили трое могучих парней в камуфляжной одежде и кинулись к машине. Мнимый свя-

той, видно услышав ее крик, и видя выбегающих парней, открыл дверь, выпрыгнул из нее и, несмотря на старость и почтенные годы, понесся по улице во весь дух от них. Вдруг, в одно мгновение, он превратился в большого рыжего черта с рогами и копытами, и умчался прыжками за угол здания Правительства. Из других дверей резиденции государя выехала черная машина типа «ГАЗ-98» с группой захвата, на которой было написано белыми большими буквами «Перехват» и так же скрылась за поворотом.

– Оборотень!! – закричал мальчишка – лейтенант, показывая рукой на мчавшегося вскачь черта. – Сейчас его возьмут наши ребята!!

Яна стояла с открытым ртом. Никогда не видела чертей, но точно знала, как они выглядят! А, главное, чем пахнут!

Псиной!

– Бесполезно, – ответила она, немного приходя в себя. – Его не поймать! Он уже превратился в прохожего, или в мышь, или в голубя!

– А жалко! – вздохнул мальчишка – лейтенант и простодушно почесал затылок. – Хотел бы на него взглянуть поближе! Потом бы рассказывал своим детям и внукам!

– Передайте по инстанции, что визит «Николая – Чудотворца» отменяется! – сказала Яна и повернулась к своей машине. Но прежде чем повернуться, она увидела, что на лице у лейтенанта застыло изумленное выражение.

– Так это был Оборотень в образе Чудотворца? – вскричал он.

Понятливый!

Яна села в машину и открыла все окна, чтобы проветрить салон. Она едва могла успокоиться от новых, неожиданных, потрясающих событий.

Но она еще не решила, разворачивая машину назад, домой, можно ли ее действия по предотвращению покушения на государя, великого Василевса, отца всех умных и нерадивых, толковых и бестолковых причислить к ее очередным великим делам, или считать священной обязанностью гражданки Российска, то есть всего лишь будничным, ежедневным, обыденным делом...

И хотя опознание злоумышленника произошло очень вовремя, правда в самый последний момент, благодаря ее чувствительному носу, все-таки ей стало страшно от мысли, что мог быть натворить Оборотень, будь у нее, к примеру, насморк. Тут не только не до великих дел, но даже не до любви...

– Спасибо, нос! – похвалила она его, заезжая во двор.

Так и не определившись с ценой и величием своего поступка, она поставила машину в гараж, зашла в дом и пошла на кухню чистить картошку.

Вечером позвонил Павел Сергеевич, у которого жена Светлана изменяла ему, их дочь Ирина застигла любовников врасплох и замкнулась. Он рассказал, что жена его умерла месяц назад в ужасных муках. Ее страдания сблизил их все вместе и породнила, теперь он с дочерью снова как одна единая душа. Он был благодарен Яне, что она открыла ему глаза, это помогло ему сохранить дочь.

На отдыхе

Яна откровенно устала от всяких дел, больших и малых, решила взять паузу и отправиться на мировые пляжи, заодно бросить свой пытливый взгляд на отдыхающий народ. Стоял чудесный июль. Она мгновенно собралась и полетела в Сочинск, там она сняла номер в гостинице «Лилия», отправилась на лазурный берег и огляделась. Да. Вот он, отдыхающий народ. На самом пике беззаботности. В зените безмятежности и счастья...

Народ красив всегда!

Нельзя без любования смотреть, как он самоотверженно и упрямо трудится на благо себя. Его труд полон поэзии и прозы, драматизма и лирики, его движения точны и строги, его плечи развернуты, его лицо горит вдохновением, его мысль устремляется на неведомое! Так и слышишь удары молота о наковальню, свист серпа о колосья пшеницы! Но это не удары и не свист, это все мелодии упорного труда и арии на тему богатства и беззаботности!

Но еще больше, пожалуй, восторга испытываешь, когда глядишь, как он отдыхает! Его отдых полон выдумки, озорства, беззаботного смеха, танцующих ног, голосистых глоток!

И Яна наслаждалась зрелищем!

На сколько хватало глаз вдоль извилистого желтого побережья тянулись ровные бесконечные ряды огромных зонтов, под которыми стояли шезлонги, взятые напрокат отдыхающими. Сколько из было? Не было ли больше, чем медуз в море? Не берясь судить точно, но горизонта Яна не видела. Везде двигались, лежали, пили, ели, играли, забавлялись, плескались отдыхающие. Это было великолепное, потрясающее зрелище! Это было даже явление. Яна находилась, казалось, в самом эпицентре Счастья. Такого количества улыбок, радостного повизгивания, любви, беззаботности, жизнерадостного смеха, восторга разве можно увидеть или услышать в каком-нибудь учреждении или на фабрике, в министерстве или на свекловичном поле, у пылающего мартена или на золотых приисках? Разве что в Голливуде – фабрике грез. Ее главная философская концепция «Счастье – это середина человеческого бытия» получила здесь на мировом пляже реальное, не надуманное содержание и блестящее подтверждение. На отдыхе не бывает краев, здесь нет опасностей, которые несут в себе высокие цели, большие задачи, пламенная любовь, непосильный труд, тяжелые болезни.

Но почему все-таки на отдыхе вообще и на пляжах в частности так хорошо, так беззаботно, столько здесь счастья?

Потому, что отдыхающий – это человек, который оставил свои проблемы дома и приехал без них! Если едешь к морю в отпуск – проблемы остаются дома, если переезжаешь к морю, проблемы едут тоже.

Безделье – это радостная, светлая, обратная сторона работы.

Да здравствует жизнь, которую мы бездарно проживаем!

Вот и она, наконец, в середине бытия!

Недолго думая, Яна тоже вместе с народом бросилась с головой в эту пучину счастья и безмятежности!

Она почти задремала, лежа на раскладном стуле у бирюзового моря, когда вдруг над ее ухом раздался женский визг:

– Ах, кабель ты эдакий, тебе бы все на девок заглядываться!!!

Яна вздрогнула и подскочила; недалеко от нее стояла разъяренная полная женщина в розовом глухом купальнике с крашенными в черный цвет короткими волосами; она размахнулась толстой ручищей и маленький мужчина, которого она ударила точно в нос, упал как подкошенный. Из его тонкой нижней губы потекла алая кровь.

– Когда же ты только набегаешься, кабель!? – продолжала толстуха, замахиваясь на поверженного мужа полной короткой ногой. Видно, засмотрелся мужик на проходивших мимо девчонок...

– Мужчина имеет право рассматривать женские формы! – сказала Яна и подбежала, чтобы помочь мужчине подняться. – Женщине все равно, какие у нее формы, а мужчине – нет!

– Имеет право??? – завизжала толстушка так громко, что у Яны заложило ухо, – кто же разрешил? Государственная дума в семье – это я!

– Природа все разрешает! – буркнула Яна.

– Жизнь, когда живешь не так, как хочешь, похожа на смерть, – сказал, поднимаясь, мужчина.

– Убью! – снова замахнулась женщина толстой ручищей. Наверно прихлопнула бы, как муху, если бы Яна не стояла между ними. Это придало мужчине храбрости.

– Каковы желания, таков человек. Без желаний он труп! – заявил он и гордо посмотрел на жену. – Все, хватит! Я развожусь! Не будешь управлять собою сам, будут управлять тобой другие. Я не расист, но блондинки мне больше по нраву!

– Нельзя запретить человеку быть дураком! – в свою очередь заявила женщина, но более смирным голосом.

– Вот ведь как бывает во время любовных припадков, – сказал мужчина, обращаясь больше ко мне, чем к жене, – Очаровываешься на время, а страдаешь всю жизнь.

– Ладно, забудь, что я тебя ударила! – Совсем примирительно пробормотала женщина и ласково поглядела на мужа, – пойдем лучше купаться!

Он шагнул к ней, они взялись за руки и побежали к изумрудной воде.

Яна ухмыльнулась и снова легла на свою раскладушку. Блаженство!

На соседних лежанках две подружки вели разговор:

– Ты еще встречаешься с Игорем, Ир?

– Да, часто...

– Ну и как он?

– Да как тебе сказать, Свет? Для любви – хорош, для работы хорош, для рыбалки хорош, для брака – нет.

– Извини, Ир, но, когда я увидела, как он ест мороженое вилкой, я сразу поняла, что у него незаконченное высшее образование.

– Да, Свет, чего-то ему не хватает... Да и зарабатывает он маловато...

– Если у него нет денег, о чем с ним можно говорить?

Яна спокойно уснула; все-таки сказалось напряжение последних великих дел, и потому уже не видела, как невдалеке у кафе разгорелась драка; все-таки пить водку под горячими лучами солнца не все могут, а некоторым даже вредно. Драка отличалась той особенностью, что в нее вовлекались разнимающие, дрались мужчины, а разнимать кидались их жены и подружки и сами невольно увлекались борьбой, они дрались ожесточенно, а некоторые находили просто упоения в бою. На отдыхе мужчин без женщин не бывает и потому каждый получил мощную поддержку; некоторые мужчины просто вышли из борьбы и теперь восхищенно наблюдали, как их подружки молотят других мужиков или их жен. Зачинщики вскоре снова отправились пить, а драка продолжалась...

Яна рано вставала, пила кофе в летнем халате на широкой террасе и просматривала свежие газеты. К морю она была равнодушна, искупалась и назад; похоже, она очень далеко ушла от своих предков – рыб, и была больше приспособлена для суши, как млекопитающие, к примеру, лань, а что касается воздушного бассейна, то здесь она летала только мыслью; лучше полежать в тени зонтика, солнца и под ним достаточно для ее чувствительной кожи. Может быть, потому еще она не любила море, что в нем нельзя читать, а читать она должна постоянно.

Читать мировую прессу для нее неиссякаемый источник удовольствия, насмешек и яда; она читала прессу при любой возможности. Сколько мыслей рождают отдельные заметки, сколько эмоций вызывают, сколько рождают ответных чувств! Яна потешаюсь искренне, читая, к примеру, о примерах воровства или коррупции. Известно, животное не крадет, оно берет необходимое. И человек не крадет. Он берет сколько, сколько ему недостает. Если жена дает мало карманных денег, что же остается, как не идти воровать! Разве в том его вина, что он таким родился, что он так устроен, что это свойство лежит в его натуре? Ибо он все-таки смесь титанического с демоническим по происхождению, и это все объясняет. В вопросах коррупции теория божественности происхождения человека терпит полный крах. И Яна с этим согласна: не мог Господь Бог создать коррумпированного человека, ибо самому ему ничего не нужно; таким человека создали другие Отцы – Основатели, внесли в него, так сказать, свою лепту.

Да, людям надо. И все берут. Только одному надо больше, чем другому, этим они различаются. И если один не берет из страха, разве он при этом перестает быть человеком? Он бы тоже взял, но боится! И другой бы взял, но совестится. И, к своему удовлетворению, она наблюдала, что факторы, которые мешают человеку быть человеком, то есть брать, становятся все менее выраженными, словно тают; вот уже о совести говорить почти не приходится! И о чести. И о страхе! Хотя страх тоже присущ человеку так же, как жадность и стремление к счастью. Но страх преодолим, хотя труднее, чем барьер совести. Так что с совестью еще надо работать, понизить планку. А о страхе брать, она бы сказала так: не бойтесь! Надо бояться другого: не успеть! Другому тоже надо!

Ограниченных людей нет. Чтобы это понять, спросите любого – сколько ему надо для полного счастья?

О прессе можно говорить бесконечно, даже смаковать эту тему. Сколько лжи, неверных сведений, неточных данных, намеренных выпадов, грубости выражений публикуют ежедневно, и при этом не знаешь толком, то ли удивляться, то ли восхищаться.

Таким же свежим чудесным утром Яна вышла к завтраку в ресторан, он был полон, за одним столиком она нашла свободное место и под села к молодым людям, парню и девушке, в самом начале цветения своих натур; юноша был высок и строен, его голова была гладко выбрита, как нередко сейчас в моде, он был очень симпатичным, с прямыми чертами лица и большими темными глазами. А его спутница была просто очаровательна, немного полновата, но в ней все было немного крупно: и большие светлые глаза, и округлое прелестное лицо, и полные губы. Он называл ее Машей. Она его Игорем. Они заказали кофе; Яна сидела напротив и незаметно, по привычке, разглядывала своих гостей, не переставая с ними разговаривать о пустяках. За это время она проникла в каждого из них и разглядела много поистине удивительно, того, что ни один из них не знал о другом. Есть люди, у которых наружное лишь отчасти тождественно внутреннему, и доля этой части разная...

Они пили кофе, разговаривали обо всем; девушка пила изящно и часто, невольно бросала вокруг себя мимолетные, легкие и быстрые, словно молнии, взгляды на других посетителей, особенно мужчин; она безотчетно, по своей природе, хотела нравиться, требовала любого мужского восхищения.

Яна откинулась на сиденье и задумалась. Мужчины и женщины – чем не вечный повод для наблюдений? Мужчина и женщина – это два самых странных, загадочных и таинственных существа на земле. Их влечет друг к другу, они проявляют интерес, но что с ними происходит, когда они сливаются, словно два атома, в одну молекулу? Почему их сущности настолько деформируются, что они перестают быть собою, стремятся вырваться на свободу, вернуться на свою орбиту. Но ничего не поняв, снова устремляются к новым соединениям! От временных соединений чаще всего ничего не остается, кроме детей. Может быть, потому все соединения временные, чтобы было больше детей?

Молодые люди разговаривали без умолку; каждый с видимым удовольствием брал от другого то, что другой мог предложить; Яна была свидетелем непрерывного обмена улыбками, нежными словами, кокетливыми взглядами; Маша была полна нежности, от которой доставалось даже ей.

Яна видела, она тогда будет чувствовать себя человеком, когда будет ощущать себя женщиной. Только рядом с мужчинами, вокруг них, в них самих она будет чувствовать себя самой собой, будет испытывать самое большое удовольствие, высшее наслаждение. Здесь она дойдет до тонкостей, до изыска, до ослепительного блеска. А юноша, напротив, человек камерный, лабораторного или кабинетного типа; для него тишина и сосредоточенность очень важные предпосылки для напряженной работы мысли. В то время как в его подруге чувственность начинала господствовать, в нем, наоборот, зрелость ума начинала преодолевать чувственность и стремилась к осмыслению окружающего. В нем были способности ученого или государственного деятеля. Аналитический острый ум позволит ему подняться довольно высоко...

Отпуск пролетел очень быстро, как все хорошее; здесь мыслям не на чем задержаться; Яна сделала вывод: у тех людей жизнь проносится мимо, ничего не оставляя после себя, кто живет хорошо, беззаботно. У них жизнь коротка, не успевают ею насладиться. Проблемы порождают мысли, жизнь замедляется для их осмысления. Но хочет ли кто-нибудь продлить свою жизнь, проведя ее в муках и страданиях, и бесконечных решениях проблем?..

Журналист

Новый клиент, мужчина средних лет с живыми глазами и густыми, кудрявыми, начинающими седеть волосами, не спеша вошел в комнату, огляделся, подвинул себе стул, но садиться не стал, стоял и разглядывал Яну, по привычке знакомясь с незнакомой обстановкой, и ее оценивая.

Это был известный журналист Игорь Петров. Он вел передачу на телевидении «Наше богатство», где поднимал темы детей, семьи, здоровья, недр, мыслей, книг, искусства...

Наконец он освоился, все разглядел, что ему было нужно и решил, что может начинать разговор с ясновидящей о своей проблеме.

Яна ждала, это тоже был ее стиль общения, не торопить человека, дать ему собраться с мыслями, а то и с духом.

– Хотите чаю, или кофе, или сок? – начала она разговор.

– Чай, – охотно отозвался Игорь и устроился на стуле поудобнее. – С сахаром? – уточнила она.

– О, да, дома я обычно кладу 4 ложечки сахара! Если Вас не затруднит. Я, знаете ли, сластена!

Сластена, отметила Яна, любит сладкое, требуется глюкоза, много энергии потребляется. На что? На эмоции? Конечно, этот тип очень эмоционален, весь в движении чувств и желаний, но главная энергия направлена на удовлетворение честолюбия, на выражение себя. Утверждение себя. Это чаще всего актеры в душе, им очень важна игра, представления, спектакли, где они в главной роли!

– Итак. У меня пропала собачка, я ее недавно приобрел, но как-то быстро к ней привязался, она очень забавная! – начал клиент, отпивая горячий, обжигающий, сладкий чай. – Раньше у меня было предубеждение к собакам, кошкам, да и ко всем животным вообще, но на мое 50 – летие друзья подарили мне собаку, и я неожиданно для самого себя к ней привязался.

– Когда пропала собака? – уточнила Яна, когда он сделал паузу.

– Ровно два дня назад.

– И как это произошло?

– Я вышел, как всегда, на улицу с ней в 7 утра, мы немного прошли, тут повстречался общий знакомый, он поздоровался и спросил, как дела. Я на него отвлекся, но как мне показалось только на мгновение, обернулся, а Ласки уже не увидел. Я стал звать, побежал назад, в сквер, за дом, в аллею – нигде ее не было! Я стоял, как оглушенный, было странное чувство, которое присуще журналистам, обостренное чувство того, что здесь что-то не то!

– И что это за чувство?

– Что собачку похитили, а не то, что она от меня убежала, или погналась за кошкой и заблудилась.

– Тогда имеем только один вариант, если исходить из того, что отстать от Вас и заблудиться она не могла. Слишком мало времени прошло. А этот знакомый... он хорошо Вам знаком?

– Не особенно, он из тех, каких у меня много, просто знакомых – не из числа друзей...

– Вам не показалось, что он Вас приветствовал как-то... по-особенному?

– Именно показалось! Очень как-то радостно, словно встретил родного брата, а не просто знакомого, я еще удивился. Это меня отвлекло...

– Он Вас отвлек, а Ласку тут же кто-то сзади подхватил и шмыгнул в сквер...

– Я тоже стал так думать, – кивнул журналист.

– Вы приняли какие-нибудь меры по ее поиску и возвращению?

– Да, в тот же день я дал объявление в газету, что пропала собака, прошу вернуть за вознаграждение тому, кто ее вернет или знает, где она находится...

Яна представила себе эту ситуацию. Дело было не в простой краже собаки, а было началом какой-то операции, началом сражения, битвы за... За что? Чего хотели злоумышленники? Чего добивались? Понятно, журналист сделал свой ход, подал объявление о пропаже, теперь ответный ход за противником.

– Я думаю, Вам на днях придет письмо, – сказала она после раздумий, – скорее всего от имени какой-нибудь бабульки, что она, мол, нашла Вашу собачку и за небольшое вознаграждение готова Вам ее вернуть. Там будет адрес этой бабульки, недалеко от Вашего дома. Вам будет предложено в назначенное время туда прийти и забрать Ваше сокровище.

Журналист внимательно слушал и кивал красивой головой с седеющими висками.

– Как только получите такое письмо, – продолжила Яна, – немедленно ко мне. У них свой удар, у нас будет контрудар.

В контрударах она знала толк. Американск до сих пор не может оправиться...

Журналист кивнул и встал. Он все понял. Он понял главное, что ей можно верить. И, по своей журналистской натуре, немного авантюристичной, готов был принять участие в этой игре. Но он не знал еще, что это игра в данном случае скорее всего смертельная.

Они попрощались, и он ушел.

Весь следующий день Яна была дома и занималась делами: стирала, пылесосила, вытирала пыль, готовила, думала. В 16:35 раздался телефонный звонок. Она взяла трубку. Это был журналист. От только сказал, что пришло письмо, о котором она говорила.

Яна попросила его прийти с письмом.

Через полчаса он был у нее на кухне.

В письме от «Анны Тихоновны» сообщалось, что собачка у нее, был указан адрес и день и точное время, в которое надо было забрать собаку.

– Ситуация следующая, как мне представляется, – сказала Яна после того, как ознакомилась с письмом, а гость пил чай и внимательно следил за выражением ее лица.

– Если Вы туда пойдете, Игорь, в назначенный день и час, то там в подъезде у лифта Вас скорее всего будут ждать крепкие ребята. Они Вас скрутят и тут же выведут на улицу, куда подъедет внедорожник. После этого Вам предстоит путь за город, на дачу к известному артисту Пескову. Но, понятно, не для интервью, а для жесткого разговора и, в зависимости от Вашей сговорчивости, может быть разговор с бандитами обойдется без избиения и пыток, на чем они специализируются.

– Что им надо от меня, этим людям?

– Материалы, – сказала она. – Материалы, которые Вы собирали по делу «Черные алмазы», там они все в этом деле участвуют. Публикация этих материалов для них с последующим судом, многие годы колонии и конфискация имущества. То есть смерть всему, что ими было сделано до сих пор.

– Все понятно, – сказал журналист, вставая. Он подошел к ней, поднял глаза и сказал, глядя на нее. – Это дело было для меня важным, его расследование меня увлекло, не терплю наглость, жадность, скрытность; хочу вывести подонков на чистую воду, но теперь не уверен, что смогу, что доживу. Им, конечно, материалы дороже всяких соображений о нравственности, что им моя жизнь, или мои вкусы, или мои ценности. В их представлениях я уже не жилец.

– Все так, Вы верно оцениваете свои шансы, Игорь, но идти туда или не идти – решайте сами. Это Ваш выбор. Тем более, зная, что Вас там наверняка ждет. Я думаю, Вам просто предложат отдать материалы Вашего расследования. И если Вы туда решите идти, скажите мне сразу, сейчас. Тогда я смогу принять меры. Но если Вы не пойдете, то и средства будут другими, они не остановятся. Им есть что терять.

– Я пойду! – твердо сказал журналист. – у нас профессия такая, рискованная, редко кто доживает до старости. Но чертовски интересная профессия!

– Тогда будем готовить контрудар!

Яна пожала его протянутую руку, закрыла за ним дверь и выдохнула. После этого, выпив чашечку свежеприготовленного кофе с пирожным, она подошла к телефону и набрала номер генерала Карпова, главы подразделения спецопераций.

Собачий след

В назначенный день журналист появился на улице, она хорошо просматривалась боевиками; он был один, шел неторопливо, поглядывая на номера домов. Поравнявшись с домом номер 7, он толкнул дверь подъезда, вошел в него, поднялся по ступенькам в коридор, в конце которого была кабинка лифта. И в этот момент со второго этажа спустились два молодчика, крепких парня в куртках и темных очках, и заломили руки журналисту.

— Не рыпайся, а то... — прорычал один из них. Журналист и не думал рыпаться, и даже не стал спрашивать, кто они такие, и что происходит, и что будет дальше. Его молча повели снова из подъезда на улицу, где почти вплотную с тротуаром стоял внедорожник. Дверь распахнулась, журналиста втянули вовнутрь другие руки, и он оказался на заднем сиденье. Всего бандитов было четверо. Машина тронулась. Спустя 35 минут машина с похищенным журналистом въехала на территорию дачи в окружении сосен и березок. Журналиста вывели из машины, провели несколькими коридорами и, наконец, ввели в большую комнату с диковинными цветами и пальмами в бочках, шикарной мебелью, большим на полстены телевизором, коврами на полу и фотообоями на стенах.

Через несколько минут дверь открылась и в комнату вошел сам хозяин в темном костюме и черных лакированных туфлях; он подошел к журналисту, кивнул своей своре, те отступили, но не ушли, а расселись на широком коричневом диване.

— В принципе, Игорь Владимирович, у меня к Вам только одна, но большая просьба, я подчеркиваю, просьба, отдайте все материалы по делу о «черных алмазах» и Вы свободны, — обратился он к журналисту, не подходя ему близко. — Это я могу гарантировать. Все остальные варианты в случае отказа мне в моей просьбе, я подчеркиваю, вежливой просьбе, я гарантировать не могу.

— Я так понимаю, что живым мне отсюда не выйти, — сказал журналист.

Бандиты на диване захихикали.

— Понятливый!

— Настоящий журналист!

— Умный! — заговорили на диване бандиты, перемигиваясь.

— Не то, что Василевская, — сказал один. Другие на него зашикали, и он понял, что проболтался.

В это время в дверь тихо постучали. Хозяин кивнул одному из бандитов, он подскочил с дивана, подбежал к двери и распахнул ее. За ней стоял огромный спецназовец в камуфляже, балаклаве и коротким автоматом. Он легко отодвинул в сторону обомлевшего бандита и вошел в комнату. Следом за ним вошла вся группа захвата.

Вторжение

Сатана был взбешен, когда узнал о провале миссии Оборотня Петровича, он его деградировал до звания простого черта и отправил истопником в котельную по подогреву котлов с грешниками, где он вскоре умер от горя и отчаяния. Такого поражения, нанесенного Яной Лукиной, он не смог вынести. Поражение! И от кого? От женщины! Это было выше его сознания. Для настоящего черта женщина просто присутствует в этом мире, ничего не значит, почти не существует, а эта оказалось просто чертовкой!

Своим новым помощником Сатана Иванович назначил упыря Рублелюба Игоревича, Главного управляющего всеми дровяными складами Ада, миллиардера.

Но проблема с шумом и треском над потолком Преисподней оставалась нерешенной, и Сатана между тем издал указ «О противодействии врагам Ада»; в нем объявлялось о создании министерства по подготовке диверсантов из числа умерших душ душегубов, взяточников, злодеев, гордецов, тупиц, развратников, подлецов, сластолюбцев, женоненавистников, хапуг, мошенников, тунеядцев, грабителей и холостяков.

Следующим пунктом указа объявлялась амнистия еще живым грешникам, томившимся по различным котлам, этим же самым обеспечивалась экономия дров на поддержание нужной для исправления пороков температуры в котле.

Новое министерство по противодействию врагам Ада лихорадочно заработало, срочно были сформированы боевые отряды, бригады, полки, и даже целые армии как призывников, так и добровольцев, ненавидевших земную жизнь со всеми ее закатами и нивами, рассветами и радостями, любовью и семьями, напряженной работой и развлечениями. Всему этому объявлялась разруха, установление преград, возведение трудностей, оболванивание масс, смерть и хаос...

Перед тем, как распахнуть все ворота Ада и начать вторжение полчищ умерших душ, обращенных снова в плоть и кровь, Сатана Иванович приказал выстроить войска и проехал перед ними по брусчатой площади на белом открытом «Мерседесе», из которого он был едва виден ввиду малого роста. Затем он велел остановить бронированный автомобиль и произнес речь:

– Доблестные злодеи и душегубы, и прочие, прочие! Перед вами я ставлю задачу – напасть на Российск, и пройти по нему основательно, да так, чтобы камня на камне не осталось! Сейте вражду и хаос, разрушайте дороги и здания, семьи и коллективы, переполняйте реки дождями, поджигайте леса. Мутите везде воду. Забывайте всем мозги! Отупляйте народ. Творите то, что вы умеете делать лучше всего! На все это мое вам великое благословение!

Доблестный сброд, бывшие мертвецы, исчадие Ада, превращенные снова в людей, ухмыляясь, ответил нестройным троекратным: «Ура! Ура! Ура!»

После этого глава Ада, главнокомандующий чертями и нечестью, потомок Демона отдал приказ:

– Открыть все ворота Ада!!!

И нашествие на мирную, ничего не подозревающую, трудолюбивую страну, началось.

Первый рейд диверсантов из Пятого наземного Дивизиона имени Лешего Первозванного, созданный из числа душегубов и алкоголиков, успешно провел операцию по подрыву Краснопольской ГЭС и обесточил тем самым гигантский район, где проживало более 1 млн людей. Вскоре за ним произошел взрыв в метро в Москвограде на ветке «Спелая черешня». За ним последовала серия терактов в горах; затем рухнули три этажа жилого дома в городе Грустном; у поезда Воронежск – Ялтинск отказали тормоза; в Зеленоярском крае прорвало дамбу и погиб один старатель золота; в Сибири запылали лесные пожары; с неба стали падать спут-

ники; не запускались в шахтах баллистические ракеты; участились сильнейшие наводнения; вместо одной заделанной ямы на дорогах появлялись две другие; ложились на дно подводные лодки; на народных бедах зацвела махровым цветом организованная преступность; пропадали деньги пенсионеров с карточек; гибли массово пчелы; расцвело взяточничество; еще сильнее стали обсчитывать на кассах в магазинах...

Поначалу все эти события в народе причисляли к естественным, обычным явлениям, которые происходили и раньше, и были как бы непряменным событием и даже неизбежным. Но вереница странных, диких, невероятных событий день ото дня только усиливалась.

По городам и селам шли каждый день мощные демонстрации протестов против правительства и государя с барабанным боем, танцами и революционными песнями. На плакатах, которые они несли, было написано: «Нам не нравится эта страна», «Нам не нравится государь», «Нам не нравятся здешние закаты». Навстречу им по другой стороне улицы шла другая демонстрация, и там тоже несли плакаты: «Ах, вам не нравится наша страна?!», «Ищите другую страну», «Ищите государя себе в другой стране».

Федерация изнемогала под угрозой распада на отдельные государства, княжества, тирании и королевства. Анархистка Маруся Болотская в костюме Жанны де Арк, с одной обнаженной грудью, ехала впереди колонны демонстрантов на белом коне и кричала: «Drang nach Westen»!

Восход солнца несколько раз запаздывал почти на час; звезды не гасли даже днем.

На Министерство иностранных дел вдруг нашло такое затмение ума, что там решили прислониться к какой-нибудь сильной, благополучной стране, проще говоря, слиться с нею. Оно поначалу обратилось к Эстонску. Но Эстонск вежливо отказал в присоединении, мотивируя тем, что, мол, 140 миллионов ему не прокормить. Венесуэльск тоже нехотя отказал, сказав, что своей нефти не знают куда девать, хоть в недра обратно закачивай; отказал в слиянии и Украинск, заявив, что ему, вообще-то, в другую сторону и им не по пути.

Эта идея к кому-нибудь присоединиться, говорила о безумии и панике, охватившим солидное министерство.

Народ стал читать только детективы. Писатели, не будь дураками, забросили художественную литературу и кинулись писать детективы строго по схеме, разработанной известной детективщицей Светланой Мариинской. На нее саму в строгании детективов работала армия литераторов – поденщиков. Она не успевала ставить свое имя на обложках. На упреки в помощи со стороны, она отвечала: «У всякого великого мастера были ученики». И ссылалась на Леонардо до Винчи и Рубенса. И ее было не остановить, она намеревалась издать 100 томов детективов под общим названием «Российск подноготный» в пику известному российскому историку Карамзину, чтобы затмить и превзойти его, написавшего всего 12 томов «Истории государства Российского», которыми зачитывалось все пушкинское поколение.

Впрочем, неуважение и пренебрежение русской духовной жизнью, ее жаждой познания, высоких идеалов, стремлений к познанию себя и общества, стало повсеместным; жажда наживы влекла писателей в другую сторону.

Нажива стала пружиной всех человеческих помыслов. Очень популярной в народе стала песня:

«Имел бы я золотые горы
И реки полные вина,
Не отдал бы за страстные взоры.
Была бы жизнь моя полна».

Ее распевали на каждом углу, в ресторанах, на всех застольях, корпоративах и свадьбах. Поэзия умерла, агонируя, а философия ушла в историю.

Симфонии перестали писать за отсутствием меломанов, а балет ставить за отсутствием людей, которые бы знали, что это такое.

Российское общество упорно катилось в сторону потребления.

В Краснодарске видели следы снежного человека; в Бурятии полыхали леса на гигантской площади; на Волге утонул прогулочный пароход с туристами из Английска; на открытой улице среди белого дня у пенсионерки вытащили последние 100 рублей; певица Басова разделась на сцене и показала всем свои изумительные формы, которые раньше только угадывались опытному мужскому взгляду; теннисист Зверев проиграл матч теннисисту Медведеву, хотя раньше легко у него выигрывал; петух Петя Петрович бросил свой курятник и перешел в другой, в котором кур было больше, на повышение; чиновникам министерства культуры вдруг в три раза прибавили зарплату; число коррупционеров увеличилось в 12 раз.

Каждый идиот стал умничать.

Если раньше воровали редко, но по-крупному, то теперь стали воровать часто, но по-разному; число грамотных мошенников увеличилось относительно неграмотных в 4 раза; воровать стали даже те, кто не умел.

Тревожные настроения охватили общество. Учителя начальных классов стали такими нервными, что стали заклеивать детям рты скотчем, чтобы они не болтали лишнего; войны между соседями по даче достигли своего апогея: все чаще полыхали соседские дома, пропадали куры, блеяли козы.

В Тульске стали выпекать пряники сразу с кнутом.

Женщины стали требовать, чтобы с ними обращались, как с барынями.

Крымский мост вдруг отплыл от Таманского полуострова и стал дрейфовать в сторону Мариуполя.

Повсеместно свили себе гнезда различные секты: фармазоны, адвентисты 5 дня, акмеисты, чернокнижники, куклуклановцы, скрытые братья, революционеры, инакомышленники, свиреповцы, бродяги, последние интеллигенты, меченые, прелюбодеи...

Особенно свирепствовали упыри, которых в простонародье метко прозвали рублесосами; они пили не кровь, в отличие от настоящих, обычных упырей, или вампиров, а сосали только деньги. Похоже, кроме своих обычных свойств разрушать и мстить, Сатане был свойствен и какой-то талант ученого; он и вывел новую породу упырей, сосущих только деньги. Ночью, когда люди спят, она под видом летучей мыши, или домового проникают в дом и высасывают все его сбережения. Нашествие упырей – рублесосов по стране приняло масштабы стихийного бедствия. Но, понятно, рублевые упыри деньгами не питались, в отличие от типичных вурдалаков, а прятали их в обшорах, на зарубежных счетах, под подушкой или под матрасом. Иной раз квартира такого упыря – полумертвеца походила на банковское хранилище, забитая до потолка деньгами.

Из банков отсасывание денег походило просто на полноводную реку. И потому вскоре закрывались один за другим за неимением наличности.

От упырей не было ни спасу, ни защиты; их ловили и сажали, они превращались в птичек и улетали через решетки, или превращались в змей и уползали. На их место приходили новые полчища упырей.

Финансовая система Россия закачалась. Спасал только золотой запас; стали расплачиваться золотом, и тут упыри сникли, они могли только сосать деньги, но грызть золото не могли.

Страна едва держалась на золото – валютных резервах.

Благоразумный, степенный, рассудительный прежде народ словно подменили, все кинулись скупать книги всяких предсказателей, хиромантов, врачей – мошенников, жрецов красной и черной магии, скрытых ясновидцев и открытых дилетантов. Книги типа «Человек есть гибрид головы и таза», или «Низ живота всему голова» были просто нарасхват и затмили книги некогда популярных авторов женских детективных романов.

Еще недавно невозможно было себе даже представить такие профессии, как врач – мошенник; хирург – забулдыга; депутат – вор; губернатор – хапуга; борец с коррупцией – коррупционер; строитель – вредитель; банкир – продавец банковских данных, но сегодня они были просто на слуху.

Среди этой вакханалии упырей, вурдалаков, проходимцев, леших, наводнений, пожаров особенно выделялись три гидры: гидра бездуховности, гидра развлечений, и гидра наживы.

Из каждого человека стало вылезать то худшее, что в нем было.

Когда до Светы Савинковой, путешествовавшей в это самое время со своими приспешниками по Англии, докатились слухи о происходящей в Российске смуте, она решила, что пробил ее звездный час, она внезапно объявила себя государыней в изгнании и в таком виде предстала перед английской королевой. Тотчас самозванку стали признавать европейские государства в той последовательности, в какой они стояли в вассальной зависимости от Американска. К самозванке потекли золотые ручьи франков, шиллингов, фунтов стерлингов, долларов, марок, злотых. Ставка на воцарение Светы Савинковой была высокой: всем страстно хотелось наконец избавиться от упрямого, терпеливого, умного, гибкого, хваткого, независимого трудягу Василевса, радетеля Российской державы. Самозванка тем временем не уставала чернить Василевса и сулить другим странам жирные куски российской территории в случае ее воцарения.

Странные и дурные события, охватившие Российск, не остались без внимания западной прессы. Кто-то радовался, кто-то сочувствовал, а кто-то откровенно злорадствовал. Газеты запестрели звонкими заголовками:

«Российск по тьме», «Закат Российска не за горами», «Русское безумие», «Народы мира, помогите Российску остановить безумие!», «Распад великой страны».

НАТО срочно собрала свою ассамблею, чтобы вовремя подобрать обломки русской федерации, но согласия долго не было, каждый, конечно, хотел себе кусок побольше и пожирнее. Бросили жребий:

Эстонску достался жирный алмазный Якутск.

Украинску нищий Курск.

Литовску плодородные Краснодарские нивы.

Американску Байкал, но без омуля. Омуля решили поделить отдельно по-братски между собой позже, когда его разведут.

Английску – левый берег Амура до самого Ледовитого океана.

Польшку при жеребьевке достался Гамбург. Но когда недоразумение выяснилось, что Гамбург находится в Германске, обиженному Германску отдали всю Сибирь, и плюсом Гданьск и Краков. В ответ на это разгневанный Польшк пригрозил выйти из НАТО и вернуть дислоцированные на его территории натовские войска без обмундирования и танков. У НАТО было всего два танка и оба были в Польске для защиты от агрессивного Финляндска. Тогда Гданьск и Краков снова отняли у Германска и вернули Польшку и плюсом дали Кыргызстанск, полагая, что он находится где-то возле Воркуты.

Турецк без всякой жеребьевки сразу заявил о своих претензиях на Азербайджанск. Но когда генералы бросили взгляд на карту мира, выяснилось, что Азербайджанск уже давным-давно не входит в состав Российской федерации. Тогда Турецк, скрепя сердце, согласился на Алтайск, но только для того, чтобы переименовать его в Константинополь.

Только Германск остался доволен жребием, ему досталось все Поволжье от Камы до Астрахани. И как всегда серьезные и обстоятельные немцы уже стали разрабатывать план соединения Шпрее с Волгой в районе Ульяновска.

Сатана глядел из своей преисподней в перископ за происходящими в Российске событиями и не мог нарадоваться, он то и дело заливался демоническим, жутким смехом, от которого

у его подданных чертей леденела черная кровь. Ему удалось то, чего не мог добиться ни государь, ни царь, и не герой – объединить народ на основе только одной идеи:

Нажива!

Только внимательному взгляду было понятно, что все эти, казалось бы, разрозненные события имели одну общую, глобальную направленность, – они целеустремленно губили духовность великого народа, его нравы, его обычаи, его глубинные ценности, в которых главным всегда была красота, мудрость, крепость духа и веселье.

—

* Так в оригинале Натовских документов. Амур, согласно БСЭ, впадает в Японское море, но не в Ледовитый океан. Прим. автора.

Присоединение к альянсу

Смутные времена рожают соблазны, авантюры и проходимцев.

В то время, как в Российской творилось немыслимое, в штаб-квартире НАТО проходило совещание. Сытые толстые генералы сидели за длинным широким столом и вкушали лакомства с подконтрольных территорий. Обсуждался вопрос, как расширить империю. НАТО была империей и ее руки не были связаны политическими путами или соображениями морали в деле расширения, как и положено, всякой империи. Из всех империй, существовавших в бурной истории человечества, она была самой демократической; она не аннексировала новые территории, а присоединяла их, обещая взамен туманные, но твердые и решительные услуги. К счастью для империи ничего в мире не происходило, на эти страны никто не нападал и не желал аннексировать, так что демонстрировать услуги не представлялось возможным. Но решительность и неуклонность оставались в силе.

Перед всяким новым присоединением генералы были всегда едины: никаких проблем альянсу эта территория не должна доставлять, на ней не должна полыхать гражданская война, никакой диктатуры, никакой коррупции, никакой национальной гордости, – с этим всем должно быть покончено еще до присоединения собственными силами, а не силами альянса. Так спокойнее. Так можно еще более уверенно заявлять о готовности, еще более решительно обещать непреклонные услуги.

Упитанные генералы сидели за длинным столом, вкушали яства входящих в альянс государств и обменивались мнениями. Мнения иногда расходились, иногда возникали даже споры. Но споры никогда среди генералов не достигали такого накала, чтобы бросить противнику в глаз кусок голландского сыра, или горсть испанских черных оливок, начиненных болгарским перцем, или латвийские шпроты, или французский круассан с изюмом, или немецкую свиную ножку с кислой капустой, или португальского краба в чесночном соусе, или украинскую галушку в сметане.

Сейчас они ломали себе голову, какую бы еще страну присоединить к могучему альянсу, дабы быть еще могущественнее, еще больше денег требовать, еще большим числом генералов управлять подконтрольными территориями, вовсе при этом не обязательно зная, как они называются...

Раскинули упитанные генералы карту мира, бросили взгляды на нее и вдруг увидели одну небольшую страну, еще не присоединенную, лежавшую в сторонке от большой политики. А в стране этой как раз процветало то, что надо альянсу: трудолюбие, веселье, отсутствие коррупции, никаких войн, дружелюбие. И решили единогласно ее обрадовать, то есть присоединить. Пользуясь темнотой и смутой тут же отдали приказ своим вооруженным до зубов откормленным натовским солдатам перейти границу.

Границу ночью перешли; летели – летели самолетами, ехали – ехали на танках, плыли – плыли на лодках. Неожиданно, в пылу присоединения наткнулись в темноте на чей-то забор. Чуть рассвело увидели на заборе надпись, крупными буквами по-инострannому написанную: «Руками лучше не трогать, а тем более перелезть».

Приехали! За забором Российская держава.

Утомленные солдаты тут же спешили, раскинули палатки и стали завтракать.

И послали генералы главе государства радостную телеграмму, что его страна отныне член НАТО и звали в Брюссельск на саммит.

А во время процесса вероломного присоединения в стогу сена – была в стране такая мода – в центре столичного города спал богатырь Янка Купалевич, не столько высокий, сколько широкий, не столько угрюмый, сколько веселый, писанный красавец, белокурый, кудрявый,

шутник и пересмешник. А рядышком с ним разметалась красавица Аленка Могилевич, писаная красавица, телом бела, лицом румяна, на язык остра...

Спали они богатырским сном, а мимо стога на свою беду проходил натовский солдат и коснись он штыком, шутки ради, Янкиной пятки. И ну щекотать. Щекочет и забавляется, оккупант – защитник. Проснулся Янка, огляделся. Не так больно было ему, все равно что комар укусил, но обидно ему стало, что какой-то чужестранец спать не дает, забавляется. Он это не любил. Поднялся Янка, скатился со стога сена, взял солдатику за руки и ноги и перебросил через литовский забор. И хотел было уже снова на стог забраться, досыпать. Но того не знал богатырь Янка, что, если на одного натовца напали, это все равно, что на всех остальных натовцев нападение совершено было. Кинулись другие солдатики на Янку со штыками, пулеметами, гаубицами и танками. А Янка только плечи расправил, да под улюлюканье Аленки, проснувшейся на шум, стал швырять натовских солдатиков через ближайший литовский забор, а некоторых даже, в пылу, через дальний польский забор закидывал. Даже жарко ему стало, весь разбурманился. Одного солдатику, правда, не рассчитал и перекинул через русский забор. Но не успел тот солдатик там приземлиться, как тут же прилетел назад. Пришлось его Янке перекинуть в другую землю, в эстонскую.

Хоть и много было солдатиков, а через полчаса Янка управился. Очистил он землю от присутствия потомков, бывших гордых и заносчивых шляхтичей, панов, герольдов, кельтов, готов, рыцарей, лордов, пэров, дождей и снова полез на стог досыпать к милой Аленке, которая уже просто его заждалась и не чаяла, когда он управится с этими назойливыми солдатами, поскольку их была тьма – тьмущая, чем и сильны были.

А Литовск, проснувшись, и увидев во дворе натовских солдат, возликовал. Какая мощная сила прибыла, даже не ожидали! И Польск, увидев поутру на улицах натовских солдат, защитников, не мог нарадоваться. Сколько звали, все глаза проглядели, и вот они!!

Придя в себя, натовские солдаты тут же потребовали от Польска и Литовска фураж, ибо проголодались в неравной битве.

В ответ на присоединение и приглашение на саммит в Брюссельск глава страны направил в штаб-квартиру НАТО письмо, которое было скорее ядовитым, чем грубым, большей частью саркастичным, чем невежливым, и, чтобы не покраснеть самому, даже не стал перечитывать... Так и запечатал в конверт.

Первые сомнения

Между тем примеры трагедий, несчастных случаев, мошенничества, разгильдяйства в стране множились, несмотря на то, что Василевс, правительство, все министерства, все службы охраны, безопасности, обеспечения работали в полную силу и старались вовремя увидеть и устранить «слабые» места.

Но самым странным были причины. Что было причиной происшествий? Почему события застигали людей врасплох, трагедии происходили там, где их никто не ожидал. Конечно, были и до этого нарушения техники безопасности, конечно, были расхлябанность, разгильдяйство, халатность и безответственность. Но в таком масштабе! Но с таким размахом! Но с такой жестокостью!

А, может быть, это были происки?

В народе заговорили о конце либерализма, тревожно поглядывая на небо.

И хотя великий, многоопытный Василевс твердо придерживался того мнения, что все причины российских бед – российские, он стал что-то подозревать. Конечно, российская нация на многое способна, но то, что происходило в стране, было уже слишком.

Катастрофы, трагедии, несчастные случаи стали нарастать, словно кто-то спустил бешеных злых собак, и они терзали теперь огромную страну, ее самобытный народ, ее красивую природу. Яна все с большей тревогой читала о происходящем в интернете, слушала по телевизору, читала в газетах. И все больше приходила в недоумение, читая эти сообщения. Что-то было не так, не так, как всегда, с начала веков, и на протяжении веков, а как-то по-особенному, как-то не по-русски.

И она стала думать.

Самым странным была во многих случаях нелепость, нелогичность происшествий, чуждая русской душе, ее повадкам и обычаям, ее представлениям и делам. Вычурность, смехотворность, жестокость: все это было чуждо русской натуре. Кто-то здесь прикладывал свою подлую, ненавистную руку; кто-то чужой, но хорошо знакомый с русскими повадками...

Может быть, это были происки англичан? Нет, не похоже, это мирные, умные, добродушные люди, очень похожие на нас, хотя и далекие от нас, от наших проблем и забот. Народ, родивший Дарвина, на это не способен. Не может так поступать с Российском и народ, родивший Гете, маловероятно. А вот народ, родивший Тараса Шевченко? Исключено! Только не он! Нет народа более сердечного, гостеприимного и умеющего готовить борщ. А на что способен народ, родивший Шота Руставелли? Только на доброту, веселье и юмор! Но никак не на жестокость и подлость! А может, народ вообще здесь не при чем? Не службы ли какие-то? Или организации? Спецподразделения?

Когда Яна прочитала в газете «Курская правда» заметку о том, что на местной птицефабрике вывели новую породу кур с окраской под цвет российского флага, – у них была белая головка, синие крылья, и красный хвост, – она обомлела. Были представлены фотографии этих кур. И, казалось бы, куры выглядели вполне демократично и даже патриотично, и несли раскрашенные в эти же цвета яйца, она увидела в этом зловещий знак, – лапки у кур были черные! Это уже смахивало на козни! На такое были способны... нет, не эстонцы, и не ирландцы, и даже не узбеки... на такие проделки могли пойти только...

Яна встала с дивана и пошла на кухню, пора бы пообедать. Тем более ее ожидал замечательный вчерашний суп из картошки, кусочков говядины, укропа, красной фасоли и петрушки.

Похищение

Был понедельник. На прием к ней пришла молодая женщина, полная, красивая, с круглым лицом, тонкими бровями и густыми каштановыми волосами. Она двигалась как пава, легко и плавно. Она назвалась Алевтиной Николаевной Самсоновой.

Яна предложила ей сесть и спросила, что она хотела бы выпить: чай, кофе, сок. Клиентка махнула рукой, от всего отказываясь.

От чужого отказываются только очень добрые, простодушные люди. И тогда Яна приступила к делу.

– Чем я могу Вам помочь, Алевтина Николаевна?

– Десять лет назад мы с доченькой Олечкой поехали в Португалию в отпуск. Ей тогда было 5 лет. Через 6 дней после нашего приезда она внезапно, бесследно исчезла.

– Бесследно исчезла, – повторила Яна.

– Я везде металась, кричала, искала ее, вызвала полицию, они все осмотрели, всех, кого можно было опросили... Но все было напрасно. Девочка пропала. Никто ничего не видел и не слышал. И так до сих пор. Я им пишу, в полицию, и каждый раз один и тот же ответ: ничего нового, никаких следов. Вот пришла к Вам, Яна Яновна. Может Вы поможете. Вся изболелась, сердце не может успокоиться, ночей не сплю, вижу мою девочку перед глазами.

Она не заплакала. Видно, уже все слезы выплакала. Осталась только боль.

– У Вас есть ее фотография?

Алевтина кивнула, достала из сумочки записную книжечку, и вынула фотографию маленькой девочки в полный рост, в летнем цветном платье, с улыбкой на лице и открытым ртом, в котором не хватало одного переднего зуба сверху.

Яна внимательно рассматривала фотографию, потом положила фотографию на стол и подняла глаза на мать. Ее глаза были бездонными.

– Пока что могу Вам сказать только одно, Алевтина Николаевна, как я считаю....

– Да? – эхом отозвалась мать. И замерла. Вся напряглась. Она не хотела, не могла услышать что-то страшное, безнадежное.

– Одно могу сказать, что Ваша дочь жива.

– Правда?! – вскричала женщина, – Вы не ошибаетесь, Яночка? Это для меня важнее всего на свете, что она жива!!

– Да, она жива. И здорова. Она уже большая, ей 15 лет.

– Да, да, 5 июля ей исполнилось 15!! Ой, не могу поверить! Она жива!!! Все уже отчаялись искать ее, но я не успокоюсь, пока не узнаю правду о том, куда она делась, что с ней случилось в тот вечер!

– Это совершенно ясно! В этом нет никаких сомнений, что она жива, но живет она не в Португалии, а в России.

– В России?! Где-то здесь?

– Но большего пока сказать Вам не могу. Мне нужно время. Придите, пожалуйста, через 2 дня. Надеюсь, я смогу Вам рассказать немного больше, может быть даже всю эту историю.

– Я Вам уже премного благодарна, моя дорогая, миленькая Яночка Яновна! Какая радость! Какое счастье, что моя девочка жива!!!

Мать медленно, словно еще надеясь, поднялась и направилась к двери.

– Впрочем, подождите!

Алевтина живо обернулась и с надеждой подняла глаза.

– Подождите минутку.

Мать девочки вернулась к столу, ступая неслышно, словно боясь нарушить таинство происходящего.

Какое-то время Яна сидела, собираясь с видениями. Мать смотрела на нее во все свои большие глаза и, кажется, даже не дышала. Только невольно отбрасывала непокорную прядь с красивого полного лица.

Наконец, Яна собралась с мыслями.

– У вас есть сестра? – спросила она Алевтину.

– Да, – удивленно ответила та, – по маме.

– Она похожа на Вас?

– Очень, просто вылитая я. И ростом, и лицом, и статью. Такая же полноватая.

– А голос похож?

– Особенно голосом! Нас не различить, если говорить по телефону. Да и вблизи совершенно свободно можно спутать.

– А где она живет?

– Она живет в Курске.

– Вы давно не видели свою сестру?

– Недавно, может неделю назад.

– То есть она вас навещает?

– Да, конечно, не так часто, но бывает, приезжает.

– Хорошо. Расскажите, что произошло после Вашего возвращения из Португалии?

– После того, как пропала Олечка, я вернулась домой совершенно невменяемая, и попала, таким образом, в психушку. Там пролежала 3 месяца, пока не пришла в себя и немного успокоилась.

– Ваша сестра навещала Вас?

– Да, она часто приезжала, поддерживала меня, и в больнице, и потом, когда меня выписали домой. Только она теперь живет не в Курске, а в Туле.

– Не знаете ли случайно, почему она сменила город?

– Сказала, что нашла там лучшую работу. Впрочем, не знаю толком.

– Так вот, Алевтина Николаевна, Ваша сестра сменила место жительства, чтобы не было вопросов у любопытных соседей по поводу девочки, которая у нее живет.

– А что за девочка у нее завелась? Почему она ничего мне не рассказывала про нее?

– Потому, что это Ваша дочь.

Алевтина оторопела и раскрыла рот. Ее глаза округлились.

– Моя дочь?! – прошептала она едва слышно.

– Это она похитила Вашу дочь. И переехала в другой город, чтобы это скрыть. И Вас навещает, чтобы Вы не вздумали ехать к ней.

– Сестра?! Аленка?! Но как? Зачем она это сделала?

– У нее были свои дети?

– Нет, не было, она даже не была ни разу замужем! Но очень хотела детей!

– Вот она и решила заиметь ребенка. Пусть и чужого. Но Олечка была для нее роднее своего! Она ее очень любила и часто приезжала к вам! Верно?

– Да, очень часто! И мы радовались, когда она приезжала.

– Вот в один из приездов она и замыслила похищение.

– Но как она оказалась в Португалии? Она даже не собиралась. У нее были какие-то важные дела! И мы с Олечкой поехали одни!

– Она собиралась. И приехала туда. Но позже, через 5 дней. Сняла номер на чужое имя. И все время держала вас обоих в поле зрения. Вечером, когда вы сидели на террасе, а девочка зашла в номер попить воды, она приоткрыла дверь и позвала ее. Девочка, конечно, решила, что зовете ее Вы, и побежала к ней. Были легкие сумерки. Она приняла ее за Вас. Сестра сказала ей,

что она решила прогуляться на машине по окрестностям. У входа стояла машина. Они сели в нее и поехали кататься. Сестра дала девочке конфеты, ее любимые, в которых было подмешено легкое снотворное. Машина поехала в аэропорт. И далее девочка оказалась в Курске.

– Но Олечка...Как же Олечка ничего не видела? Она ведь понимала, что перед ней не я, а моя сестра!

– Верно. Олечка быстро поняла, что перед ней Ваша сестра, но та сказала ей, что Вас нет, что Вы умерли, и просили взять ее к себе.

– Вот же гадина! Я – умерла! Какой ужас! От родной сестры такое услышать! Она меня решила угробить?

Вот теперь она заплакала. Но это были слезы облегчения...

Прозрачная вода

Звонок был уже перед закатом солнца. Яна смотрела по телевизору новости и недоумевала. В ее милой, красивой, не похожей на Американск или Китайск, стране творилось черт знает, что! Она протянула руку и взяла трубку.

– Прошу меня извинить за поздний звонок, Яна Яновна, но нам нужно срочно встретиться и поговорить. Отложите все дела. Жду Вас завтра в 10 утра. Сможете?

– Конечно, смогу, Василевс Владимирович! – выдохнула она.

– Вы, я думаю, дорогая Яна, следите за новостями, – сказал Василевс, пристально глядя на нее, когда в назначенное время она вошла в его гигантский, но уютный, кабинет, благоухая духами „Armand “. – Вам, я надеюсь, известна обстановка в стране. Она стала более чем странной...

– Конечно, – кивнула Яна, – что-то неслыханное.

– Именно! Такого количества злобы у народа нет. А число катастроф и трагедий просто превышает всякие пределы количества злобы и ненависти. Да и с чего бы? Мы ведь движемся к счастью...

– Поскольку все рассветы наступают с задержкой, иногда через раз, да и с неба иной раз полыхнет огонь, и времена года как бы сместились на месяц – другой, значит, причины всех происшествий, трагедий и катаклизмов скорее всего неземные, то есть небесные или подземные, – сказала она задумчиво.

Василевс оживился и сел в кожаное кресло, стоявшее рядом с ней.

– Вы думаете? – переспросил он.

– Я так считаю, – сказала она, глядя в полыхающие глаза государя. – Я размышляла все последние дни и, кажется, нашла объяснение всем этим событиям, какими бы они не были трагичны или нелепы.

– Итак?

– Это происки Сатаны. Это он напустил на нашу страну своих приспешников, своих людей, агентов. Это все проделки сатанистов! Полчища его агентов находятся в стране! Нелегально.

– Ну вот! – воскликнул великий Василевс, и даже улыбнулся. – Мы сошлись во мнении! Я сам к этому пришел. Но задача теперь... Как их уничтожить, загнать обратно в Ад, не дать им творить зло, остановить эпидемию?

– В самом деле! – поддакнула Яна. – Эти оборотни отлично превращаются в нормальных людей, их практически не отличить от настоящих.

Они помолчали, каждый думая о своем и в то же время об одном и том же.

– Но выход надо найти. Способ, который может отличить лже – человека от человека. В чем бы он состоял?

– В запахе, – сказала Яна, как бы размышляя вслух.

– В запахе?!

– Они все должны пахнуть псиной. Не так явно, может быть даже почти не ощутимо человеку, но все-таки пахнуть псиной.

– Интересно! – сказал Василевс и задумался.

– Кошки, – сказала она, глядя в широкое окно мастерской, за которым лежала вся страна.

– Или собаки, – тут же отозвался Василевс.

Они снова замолчали.

– Можно, конечно, повсюду, в аэропортах, на вокзалах, на предприятиях... установить газовые хроматографы, настроенные на анализ определенного запаха, – предложила Яна.

– Можно, – кивнул государь.

Он тяжело поднялся из кресла, медленно прошел к окну, посмотрел в сторону востока, затем запада, вернулся за свой гигантский письменный стол, взял лежавший на столе лист бумаги и сказал:

– А теперь к заданию. Я тут подумал... В общем, предлагаю Вам, дорогая Яна Яновна, заняться срочно разработкой «Прозрачной воды».

– Прозрачной?!

– Она должна быть прозрачной, как слеза, чтобы ее можно было спокойно подливать во все другие жидкости, к примеру, в супы, в студни, в борщи, в Боржоми, в Кока – колу, в варенья, в желе, в вино и водку.

Яна понимающе кивнула, плохо соображая.

– Нектар должен обладать следующим главным свойством, а именно: после попадания в организм он должен вызывать раскаяние.

– Раскаяние, – повторила она.

– Да. В этом состоит как раз моя задумка. Существо, которое испытает приступ раскаяния, становится человеком! А если оно было лже – человеком, то оно, будучи мертвым, но раскаявшимся, автоматически возносится! В Рай. Таким образом, мы очистим русскую землю, она сначала покроется как бы туманом, а потом начнется воспарение. На этот счет я консультировался с Патриархом Московским и всея Руси отцом Пименом. И он подтвердил мои предположения. У нас была длительная и содержательная беседа с ним на эту тему. При разговоре Патриарх выразил живейший интерес к этой удивительной воде и даже предложил ее церковный вариант под названием «Архиерейский настой». Это была бы, в сущности, та же прозрачная вода, но настоящая, по его мнению, на боярышнике. При этом настоем, сохраняя свойства покаяния, терял прозрачность, но дополнительно приобретал лечебные свойства и красивый красный цвет. Но цветная вода нам не подходит. Нужна прозрачная.

– А если не существо, а нормальный человек, скажем токарь или пекарь, или политик... раскается, он ведь тоже... воспарится?

– Ни в коем случае! Все мы грешные, конечно, есть каждому в чем-то раскаяться, подумать, устранить ошибки, не допускать новые, но раскаяние нам, людям, свойственно, но не свойственно чертям, они-то и воспарятся! А люди должны, конечно, остаться. Иначе мы все страну... очистим.

Задача, которую ставил перед ней государь, была просто фантастической. Едва ли была ей под силу. Да и цена ошибки была очень велика – всех россиян отправить в Рай. Но он знал, вероятно, ее лучше, чем она сама себя, именно потому он лично ей давал это задание.

– Вы считаете, что именно я должна создать эту «Прозрачную воду», – на всякий случай уточнила она.

– Кроме Вас, некому, – улыбнулся великий, всевидящий, всезнающий Василевс, отец всех людей и чертей. – Тем более у Вас есть великолепный удачный опыт – Желтая вода. На этот раз она должна быть прозрачной.

– Я попробую, – пробормотала Яна.

На прощание он мягко обнял ее, и она ощутила легкий запах зверобоя.

Разработка

Яна пришла домой вся в расстроенных чувствах, разогрела суп, намазала хлеб горчицей и стала есть, почти не чувствуя вкуса; задача, поставленная Василевсом, была неразрешимой. На какие органы должна воздействовать «Прозрачная вода»? На мозжечок? На лимбическую систему? На гипоталамус? На сердце? Где находится центр раскаяния? И как сильно лже – человек должен раскаяться, чтобы воспариться? А в чем состоит вообще раскаяние? Если иной пожалеет, что взял 100 тысяч, хотя мог взять миллион, считается ли это раскаянием?..

Она оставила пустую тарелку и принялась за рагу. Невкусно. Нет аппетита. А как она любила рагу! Да, так вот. А как она сможет проверить действие этой воды? Не на мышах ведь! С «желтой водой» было проще, бери старую мышку, подливай ей молодильную воду и смотри, как она начинает линять, обрастать новой шерстью, как у нее прибавляется энергия, активность, как ее начинает тянуть на утехы... Там было все понятно и наглядно. А здесь? Как она увидит раскаяние? На ком? На друзьях? На сотрудниках? Но кто согласится проверить неизвестные вещества на себе? Никто!

Если только проводить опыты на себе. А в чем ей покаяться? Она, кажется, все делает правильно, живет по-совести. Вот же чертовщина, даже раскаяться не в чем! Вот дожилась! Что и говорить – совершенно нереальное задание!

В мучительных напряженных раздумьях прошли три дня. Яна потеряла аппетит и сон. На четвертый день ее вдруг осенило! А что если прозрачная вода будет действовать как лекарство?! Оно достигает больного места, наводняя весь организм своими молекулами. И потому надо принимать его регулярно и какое-то время. Вот оно – первое конструктивное решение! Неважно, где находится очаг раскаяния, ее вода найдет его сама, обойдя весь организм, от пяток до мозга! Как лук находит глаза! И выжимает обильную слезу!

Яна облегченно выдохнула и даже улыбнулась этой мысли! Одно решение есть, теперь можно спокойно заняться и самой молекулой прозрачной воды. Что она может собой представлять? Что положить в ее основу?

И она снова схватилась за голову.

Пошло несколько дней. Яна продолжала худеть и хорошеть, выходила на улицу только в магазин.

Ночью ей приснился тот же сон. Белое пушистое облако. На его краю сидит какая-то женщина в бордовом длинном одеянии, похожем на плащ, ее длинные черные волосы ниспадают на грудь, на лице сияют огромные прекрасные глаза; из них истекает магический свет. И Яна узнает ее, это ее покровительница Ульяна.

Ульяна взмахнула рукой и сказала:

– Мираж тебе поможет...

И облако уплыло, растаяло в серебристом воздухе...

Яна

На небе облака,
В душе тоска,
И черные глаза из-за угла.
И черные тела...
Но как мне быть?
Нужна вода...
Прозрачная вода,

– Волшебная слеза.
Омыть,
В купели утопить
Народные страдания.
О, мой мираж!
Ты где?

Мираж

Я там, где страдания,
Муки, терзания,
Порывы души,
Волненья крови, -
Живу.
Из леса сомнений,
Терзаний,
Видений -
На правильный путь
Вывожу.

Яна

Моя душа полна порывов,
В душе – волнений.
Но я слаба, изнемогаю
От дум, сомнений.
Как мне другим помочь?
Других спасти?
Изгнать проклятую породу.
Себя найти.
Мой дух!
Как мне ты нужен!
Помоги!

Мираж

Я здесь
Чтобы помочь, и поддержать,
И за собою повести
В дремучий лес, во тьму законов
К решеньям верным привести.
Или за мной.
И плачь!
Пусть слезы льются...
То слезы торжества!

Яна

Иду!

Повсюду за тобой -
Мой верный след.
Моя звезда, и мой маяк
Мой бог и свет...

Утром, проснувшись и протерев глаза, она вдруг вспомнила свой сон и едва не подпрыгнула в кровати. Слеза!!! Нужны слезы, в них содержится молекула раскаяния; слезы, как знак облегчения, ибо раскаяние приносит радость и легкость в душе после мучительных страданий и терзаний совести. Нужно взять слезу на анализ! Но где взять слезы? Лук! Это была новая блестящая идея! Что-то ее сегодня прорвало на идеи! Итак, надо взять лук, а он уж выжмет слезы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.